

тут было
довоенное фото
одной из авторов
во Львовском
этнографическом
музее.

ДНЕВНИКИ
~~«террористов»~~
«сенаратистов»

**ДНЕВНИКИ
«СЕПАРАТИСТОВ»**

Луганск
2016

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)я43
Д-54

Дневники «сепаратистов» / под общ. ред.
Д-54 Ж.В. Марфиной, И.Г. Скибы. – Луганск, 2016. –
154 с.

В книге собраны воспоминания жителей города Луганска о военных событиях лета 2014 года. В ней отображены реальные события, реальные чувства и судьбы людей, переживших общую беду в Луганске и за его пределами.

© Коллектив авторов, 2016

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Идея этой книги возникла неслучайно.

В начале «военного» учебного года на филологическом факультете Луганского университета имени Тараса Шевченко был проведен конкурс творческих работ с весьма прозаическим названием «Лето 2014». Студентам было предложено поделиться своими воспоминаниями о «самых необычных каникулах» прошедшего года. Результаты конкурса не просто удивили, а произвели эффект разорвавшейся бомбы: то, что было представлено в студенческих эссе, скорее напоминало исповедь. В них слились воедино горечь и слезы, любовь и ненависть, страх и самоирония, сострадание и непонимание реальности происходящего...

Когда мы читали эти откровения вчерашних детей, которые становились взрослее на годы с каждым «прилетом» мины, звуком пролетевшего над головой града или смерча, на глазах выступали слезы, а душу охватывал дикий холод. Все работы были объединены общей фразой: «БЫЛ ДЕНЬ, КОГДА Я СТАРЫЙ ПОГИБ..., ЧТОБЫ ВМЕСТЕ СО СВОИМ ГОРОДОМ, КАК ФЕНИКС, ВОЗРОДИТЬСЯ ИЗ ПЕПЛА». Именно эта несокрушимая жажда жить, жить вопреки войне, смерти, пропа-

гандистской лжи и психологическому давлению воинствующих представителей «єдиної країни» стала толчком к созданию этого сборника, в который вошли самые проникновенные воспоминания наших детей. Они дополнились дневниковыми записями школьников, преподавателей университета и обычных жителей Луганска, города, пережившего ужасы артиллерийских обстрелов, полной блокады и ставшего за эти дни для нас, его жителей, настоящим ГЕРОЕМ.

В этом сборнике мы старались максимально точно отобразить переживания, эмоции авторов и их восприятие военной действительности, поэтому была выбрана форма дневника, позволяющая сохранить настоящие имена авторов и подчеркнуть РЕАЛЬНОСТЬ ПРОИСХОДЯЩЕГО. Это не художественное произведение. ЭТО ХРОНИКА. Хроника нашей вчерашней жизни, которая продолжается сегодня.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

МАРИЯ

О войне в Донбассе уже сейчас много написано. К сожалению, эта тема очень популярна, и я уверена, будет актуальна еще не один десяток лет...

Но записей реальных очевидцев войны, наверное, будет не очень много. Почему? Да потому, что в погребе, как, впрочем, и в любой другой части дома, нет света, а свечку или фонарик, с целью экономии, используют только при острой необходимости. Да потому, что в перерывах между перестрелками нужно успеть запастьись водой из колонки, выстоять очередь за хлебушком и гуманитарной помощью и при этом успеть на последнюю маршрутку до 12 часов дня. Да потому, что мысли, к сожалению, заняты не творчеством, а размышлениями о том, на чем можно сэкономить, чтобы еще неизвестно сколько продержаться без стипендии, зарплаты или пенсии....

И таких «да потому...» очень и очень много. И о них еще обязательно напишут. О любимом городе Луганске, который бомбили на наших глазах, о судьбах до недавнего времени счастливых людей, которые тоже рушились на наших глазах.

Напишут такие же, как я, жители Донбасса, пережившие эту войну, не покинув свой дом...

РВАНЫЕ ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ...

ТАТЬЯНА

Я ничего не буду писать о военных действиях, о Нацгвардии и ополченцах, о том, кто прав, а кто виноват, кто герой, а кто подлец. В моих заметках не будет политики. Это просто наблюдения человека, живущего в условиях военных действий. Я пишу их для себя и для самых близких друзей: и тех, кто все это пережил, и тех, кто был далеко, но душой оставался со мной, переживал за меня.

Простите меня за рваность мыслей, стиль, отсутствие четкого сюжета. Это не литературное произведение, это кусок моей жизни – самый жуткий и самый незабываемый...

Мы живем на войне... Уже больше двух месяцев... Звучит дико: в двадцать первом веке, в центре Европы граждане цивилизованного государства убивают друг друга. Армия, на которую нас призывали жертвовать SMS-ками по пять гривен, разрушает регион, дававший львиную долю национального дохода. Не знаю, как эту войну назовут через пару лет, как ее будут описывать в учебниках и монографиях (а желающие появятся, даже диссертации клепать будут, я уверена)... Я решила записать свои мысли об этой войне. Превратятся ли они в книгу или так и останутся обрывочными фрагментами – не важно. Это должно остаться в памяти. Хотя бы моих друзей.

ВЕРА

Сегодня уезжает брат и племянник. В поисках выхода из мышеловки они делают попытку на электричке добраться до Алчевска, а затем дальше, пока в блокаде только Луганск...

Уезжая, брат настоятельно рекомендует мне вести дневник, что я и пытаюсь делать с этого дня.

К своим заботам прибавляются хлопоты родственников, знакомых, соседей с каждым днем покидающих город.

Вот и еще одни соседи заехали на час, забрали вещи, со слезами на глазах выдали нам мешок почти размороженного мяса и уехали. К двум опустевшим дворам прибавился еще один с садом, большим огородом, курами, двумя котами и грозным псом Семеном.

Город опустел... Оставшиеся жители – чужие, но объединенные общей бедой – стали ближе друг к другу. Очереди отличаются от довоенных: люди делятся новостями, подсказывают, где можно раздобыть хлеб и воду, никто не ругается, не скандалит, отчасти и потому, что прислушиваются к каждому звуку. Мне кажется, что люди стали добрее.

Освободилось время и место, но стало пусто и грустно. Воды нет вторые сутки, света – пятые. В холодильнике погибают остатки еды.

Снова утро. Ночь не сняла усталости. Пока тихо, прохладно, пока...

ЮЛИЯ

К сожалению, так поздно начинаю писать дневник. Надеюсь на лучшее, думала: всё запомню и ЭТО всё быстро закончится. Но к сожалению ... Но я не с того начала. СЛАВА БОГУ – Я ЖИВА! Нахожусь в своем доме, в своей квартире.

Родители уехали, когда я была в отпуске. Даже звучит ненормально, резко резонирующее мирное слово. Уехали 18 июня, утром, рано, такси на Изварино. Перед отъездом все, конечно, перенервничали, расставание было напряженным и скоротечным. Я не хотела, чтобы они уезжали. Пережив эти уже 6 недель без них, я понимаю: хорошо, что их здесь нет... Всё что здесь происходит – это очень страшно. ВОЙНА!!! Это страшное слово и ещё страшнее реальность бытия в ней.

Я заметила, что дни стали считаться по-другому: продержался с ночи до ночи – выжил. Так продолжалось «активно» до 2.00, потом «пассивно» до 4.00. А в 5.00 – начали бомбить, казалось, очень близко – и до 10 утра. Каждый день... Часы тоже стали считаться по-другому: развилось особое чувство времени, когда чувствуешь начало каждого часа, не хочется – а смотришь на часы. Срабатывают биологические часы выживания. И все это в новом звуковом пространстве, страшном, нереальном – как будто летают межгалактические космические ракеты...

НАТАЛЬЯ

Пытаясь осмыслить сегодня события этого лета по прошествии полугода, вычленив причины и предпосылки постигшей нас катастрофы, сложить из мозаики отдельных событий свою собственную историю, наталкиваюсь на невозможность воспроизвести хоть сколько-нибудь целостную картину случившегося. Ее составляют скорее разрозненные воспоминания, картинки-ассоциации, эмоции и чувства, отражения...

...Недоумение, нежелание верить даже очевидному. На фоне зарождающегося политического хаоса, первых военизированных столкновений в Славянске и Краматорске, одесской трагедии привычной становится бесконечно повторяющаяся в сознании каждого луганчанина наивная мантра: «Это не может случиться с нами. Этого не может быть никогда. Не в самом центре Европы, не в цивилизованном государстве, не в начале XXI века...». Новая страница в новейшей истории Украины началась, тем не менее, с новейшего варварства. Война прошла бороздой по душам, судьбам, семьям, навсегда разделив нашу жизнь на «до» и «после», лишив работы и крова, друзей и близких, взорвав осколками снарядов уклад привычной и размеренной жизни.

ТАТЬЯНА

На войне страшно всем. Неважно, голосовал ли ты на референдуме 11 мая или нет, кого ты считаешь своим – Порошенко или Путина, кто для тебя «наши» – ополченцы или нацгвардия... Война не щадит ни тех, ни других.

Любая война – это смерть. На нашей войне она тоже есть. Но страшна уже не сама смерть, а ее обыденность. Когда 2 июня сбросили бомбу на облгосадминистрацию и погибло 11 человек – ужасались все. А сегодня каждый день гибнут люди – в очереди за водой, за гуманитаркой, во дворе, в своей квартире – мы уже не ужасаемся, мы привыкли к смерти рядом с нами – и это самое ужасное.

Не хочу обвинять тех, кто уехал. У большинства были причины: маленькие дети, больные родители, выбитые окна. Кто-то просто не смог справиться с эмоциями и уехал, посчитав, что вернется через пару недель, когда «все утрясется». Эти люди – не трусы, да и не все оставшиеся в Луганске – герои.

Моя соседка недавно сказала: «Хорошо, что нет связи, а то бы пришлось отвечать на дурацкие вопросы – «ну как вы там?» Я ее понимаю. Как рассказать по телефону даже близким людям, сидящим в Киеве, Харькове или Крыму, что каждый вечер ты стелешь две постели: на диване и в коридоре, за капитальной стенкой?

ЮЛИЯ

Ночью «бахало» и близко, и далеко. Что-то горит. Запах дыма в квартире невозможный, вьелся в горло, в волосы. И комары гудят))) Уж лучше комары, чем мины. Дурацкий юмор (((Вот такая спокойная ночь, как пел Цой...

Утро. Слава Богу, я жива и нахожусь в своей квартире. Опять полетели мины, свист – разрыв ... Воспитанная в патриотическом духе, я всегда с уважением относилась к военным, офицерам, защитникам Родины. Слова «долг» и «честь», никогда не были для меня просто словами. Внучка, дочь и жена (хоть и бывшая) офицеров.

Сейчас я ненавижу всё придуманное человечеством оружие. Можно спасти человека от неизлечимой болезни, а можно усовершенствовать «Катюшу» до «Града», «Смерч» до «Урагана». Все эти Нонны, Васильки, Гвоздики, Тюльпаны, Топольки, БМП, БТР, САУ, танки вызывают неопишуемый страх.

Страх – очень сильное чувство, которое захватывает волю и парализует человека. Развивается фатализм. Но сильнейшим инстинктом человека есть самосохранение. Поэтому, по-звериному быстро можно оказаться в коридоре (там самое безопасное место). Не спать несколько ночей подряд, не есть и молить Бога о сохранении жизни и жилища.

ДАРЬЯ

Да, на войне страшно всем, но невозможно сказать, что было самым страшным. Страшно было каждую минуту, каждую секунду, до одури страшно...

Страшно, когда ничком падаешь в коридоре квартиры и закрываешь голову дрожащими руками, а под тобой дрожит земля. Страшно, когда осколок пробивает газовую трубу дома, – и ты вместе с остальными жителями выбегаешь на улицу, молясь, чтобы дом не взлетел на воздух, а каждая комната тем временем наполняется едким газом и становится трудно дышать.

Страшно в темном и сыром подвале, где, закрыв глаза и затаив дыхание, прислушиваешься; куда падают снаряды. И медленно сходишь с ума в этом замкнутом пространстве: попадет – не попадет? Страшно, когда родители идут на «ручеек» за водой, потому что дома ее уже не осталось, а над их головами летят снаряды. Сначала ты слышишь залпы «Града», потом свист и взрыв. В реальности это происходит за доли секунды, но в твоём сознании они тянутся целую вечность... Страшно за близких. Страшно не проснуться. До одури страшно.

Война, которая всегда была для нас чем-то далеким и нереальным, никого из нас не спросив, пришла в наш дом, а вместе с ней – слезы, боль, потери, страх...

НАТАЛЬЯ

...*Слепозлухонемой город*. Из четырехсот жителей многоквартирного дома в самом сердце Луганска осталось лишь около тридцати. Непрестанно обстрелы, пытающиеся уехать, бежать от войны люди. Ощущение постоянного, липкого страха и абсолютной беспомощности, какой-то абсурдной и страшной фантазмагии, в которой волею судьбы принимаешь участие. Ежедневной необходимостью становится практически двухкилометровый путь вглубь частного сектора, где из подземных скважин можно набрать воды. Известная всем местным «дорога жизни». Время как будто замерло, пространство ограничено пределами собственной квартиры и двора, где непривычно тихими для лета вечерами собираются соседи, чтобы под треск добытого из балконных недр радиоприемника послушать последние новости «из большого мира». Тем ярче и острее на фоне всепоглощающей тревоги и страха оживает в памяти образ маленького тихого Ангела нашего двора, единственного на весь квартал ребенка, оставшегося в осажденном городе. Он стал для нас негласным талисманом, воплощением хрупкого биения настоящей жизни, надежды и так необходимого для нас тогда ответа на вопрос «для чего?» – выжить, выстоять, сохранить себя, свой дом и самое дорогое, самое ценное в жизни человека.

ЮЛИЯ

За это время население, к сожалению, по звуку научилось отличать «Град», мины, гранатометы и т.д. Звуки страшные – как будто космические ракеты летают. Никогда в жизни не хочу это слышать!

В 17.00 ТАК БАХНУЛО!!!, Это было самое страшное в моей жизни. Я сидела у окна на кухне, в два шага (какие-то животные инстинкты просыпаются) оказалась в коридоре. Свист летящей мины не перепутать ни с чем. Потом резкий хлопок, разрыв и взрыв. «Прилетело» в соседний дом. Итог – выгорело 6 квартир. У остальных окна, балконы, подъездные пролеты. Прошло 2 часа... Слышен звук заколачиваемых окон под «баханье» вдали...

Вышла на улицу (впервые за два дня), обошла дом (не полностью – только с торца – далеко ходить опасно), увиденное – страшное зрелище. Слава Богу – никто не погиб. Не было людей в квартирах: кто выехал, кто по подвалам сидит.

Позвонила сестре (она в Луганске на другом конце города), связь как-то прорвалась – чудо. Позвонила родителям – папа впервые серьезно сказал: «Уезжай при любой возможности!». Я испугалась...

ХОЧУ МИР !!! БУДЕТ МИР !!! ЕСТЬ МИР...

ТАТЬЯНА

Если меня когда-то потом спросят, страшно ли было в эти дни в Луганске, однозначно ответить не смогу. Сначала было очень страшно – от ужаса пекло в груди. Было очень страшно с сестрой и псом Джемом бежать в подвал и слышать, как за спиной рвется снаряд. Было страшно выходить наверх и ожидать, что увидишь свой разрушенный дом. Было страшно подниматься в квартиру, чтобы посмотреть, жива ли лежащая мама и целы ли окна...

Были дни, которые стали переломом: в эти дни особенно активно обстреливали центр и наш квартал Алексеева. И, наверное, в это время страх закончился. Страх залез куда-то глубоко-глубоко, даже когда совсем близко рвется снаряд или мина, – он не успевает вылезти. Да и Джем мой уже так не боится. Я думала, быстро привыкают только к хорошему. Оказалось, и к плохому тоже привыкают быстро. Неужели наступит время и тишина будет постоянной? Но после обеда обстрелы усиливаются, а к четырем часам нас начинают «поливать» вражеские «Грады». Наша доблестная украинская армия самоотверженно направляет свои орудия на город, где живут люди второго сорта, которые их не интересуют.

Кстати, обстреливали наш квартал братья-поляки из чешских гаубиц. Вот это я понимаю – евроинтеграция в действии!!!

НАТАЛЬЯ

...Полные тихой мольбы «береги себя» глаза мамы, провожающей меня под бомбежкой на последний автобус из города, и фоном – пронзительный женский крик, заламывающий в отчаянии руки водитель, рослый и сильный мужчина, под непрерывающимся ни на минуту обстрелом пытающийся объяснить, что маленький автобус переполнен и он не в состоянии взять больше пассажиров, ведь по проселочным песчаным дорогам мы не проедем... Удивительно, как в состоянии максимального психологического напряжения обнажаются все грани человечности, оттеняя страх, боль и ненависть ощущением сопричастности, общности, искренности: изнурительная августовская жара, запах гари, тяжелый пеший переход с вещами по раскаленному песку до блокпоста – и помощь совершенно посторонних людей, единственная на автобус бутылка минеральной воды, поделенная поровну между всеми пассажирами, и тихое мужество молодой матери с двухлетней дочкой на руках, которой она на протяжении всех 6 часов пути рассказывала сказки, пытаюсь успокоить, отвлечь ребенка...

ЮЛИЯ

Свечи экономлю. Ничего не зажигаю, пишу на ощупь. Пасмурно, плохо видно, в 20.00 – уже темно.

Грады, мины ... дом трясся так, что в подъезде пыль стоит, всё ходит ходуном. Посыпались стекла, у кого вчера не успели выпасть. И опять полетели мины. Отвратительный свист. В этот момент каждый раз вся жизнь проносится за миг. И ждешь разрыва ... Опять тихо. Говорят, Луганск в кольце. Украинское радио сообщает: бой идет за Острую Могилу.

Спасибо тебе, Господи, за новый день, за жизнь, за тишину, за сохраненное жилище. В квартире прохладно и полумрак. Два месяца живу с открытыми окнами, заклеенными крест-накрест.

За ночь прилетело в три соседних дома, разрушения страшные: вываленные стены, балконы, пожар – всё валяется кругом. Слава Богу, люди на ночь пошли в подвалы, более комфортные – женские (сухие и чистые), похуже – мужские, а где-то вообще общежитие – люди и животные.

Сплю уже неделю в коридоре, одетая, сумки собраны (документы, деньги, вещи, лекарства, сухпай). Ночь была страшная. Не то что спать, стоять-сидеть невозможно – постоянно подбрасывает и «золотой дождь» на полнеба. Светло, как днём.

ВЛАДИМИР

Был день, когда Старый Я погиб.

Мы сидели с дедом в саду, разговаривали о чём-то и слушали улицу. И вдруг – самый страшный звук в моей жизни. Будто пробка резво выстреливает из бутылки шампанского, бутылки на твои похороны, а потом свист, перерастающий в визг...

Уже вскакиваешь из кресла, хватаешь деда за руку. Стёкла разлетаются. Уши заложило. Бежишь, ищешь маму, бабушку. Вместе бежим в погреб. У каждого своя роль: кто берёт куртки, кто фонари (в доме нет света, а в погреб спускаться без света – можно неплохо упасть). Ещё взрыв. Штукатурка падает.

Молишься. Молишься. Молишься. Пытаешься успокоить родителей, а, попутно, и себя. Третий выстрел, чёртов визг. Взрыв. Так близко. Ждёшь 10 минут. Вылез сам, осмотрелся, дом смотрел. Слава Богу, держим окна открытыми 24 часа в сутки, а то бы окон не было уже. Помогаешь родителям выбраться.

Выбегаешь на улицу, а там...

Дым, соседка еле бежит, всё лицо в крови. Мама побежала за йодом, бинтами. Бежим с соседом дядей Володей в дом, с дырой в крыше в 1,5 на 2 метра, как минимум. Обломки, по саду валяются куски крыши, окна выбиты, всё покорёжено. И запах. Запах гари, гнилых груш, и чего-то ещё. Чего-то отвратного, мерзкого...

Забегаем. Тётя Оля, соседка, рыдает. Это дом её сестры. Показывает рукой в сторону комнат. Крыши и потолка нет. То, что осталось, устилает пол. Лезем, туда, смотрим, ищем. Тётю Людю, сестру тёти Оли. Ничего не видно. За дверью собака, живая, но сильно прибитая взрывной волной. Человек, не знающий никого из нас, просто шедший по улице и зашедший помочь, забирает собаку, чтобы позаботиться о ней. Смотрю: лестница, лежащая на полу, вздымается. Начинаем быстро разбирать. Находим ещё одну собаку, пытаемся поднять, а под ней уже лужа крови. «Мы ей уже не поможем», – говорит дядя Володя. Никак не можем найти тётю Людю. Думаем, слава Богу, ушла до взрыва. И тут я вижу руку, кисть, порванную, обугленную, окровавленную. Ногу, кажется, без ступни. И лицо. Тяжело смотреть, не могу смотреть...

Весь район собрался, все помощь предлагают. Никто не приезжает – ни скорая, ни милиция. Кто знал, что скорая приедет через полчаса и констатирует факт: «Мертва». Кто знал, что на следующий день мне придётся фотографировать труп женщины, которую мы знали всю жизнь, для судмедэкспертизы. Кто знал, что труп будет лежать там ещё 3 дня, на жаре, пока морг, наконец, не вышлет машину. Кто знал, что это будет только начало?

ТАТЬЯНА

Как описать свои эмоции при виде умирающего парня 22 – 23 лет, которому оторвало ногу, какими словами описать его серое лицо и подернутые дымкой смерти глаза? Я бежала в МЧС сообщить о нем, надеясь на чудо, но через два часа увидела его там же, уже с закрытым курткой лицом. Он пролежал в соседнем дворе больше суток... При нем не было документов. Красивый молодой мальчик! Нашли ли его близкие в морге?

Вчера в соседний двор приходила мать погибшего парня. Оказывается, все это время она его искала. Ему 31 год, мама – врач. Похоронили без родных. Дай Бог, чтобы она нашла его могилу. Просила показать место, где он лежал. Я его запомнила и с тех пор никогда не хожу мимо – все время вспоминаю его лицо и глаза, как будто подернутые пеплом...

Теперь я всегда беру с собой паспорт. Даже если иду по хлеб, кладу его в файл и прячу в сумку. Туда же – маленькую иконку Божьей Матери. На ноги – обязательно удобную обувь: вдруг придется бежать. Паспорт – для идентификации личности: не хочется лежать неопознанным телом в морге...

Я вообще удивляюсь, как я до сих пор не сломалась. Если представить меня визуально – я как Волк из «Ну, погоди», решивший поднять штангу. Я

ее держу, а судьба цепляет все новые и новые «блины». Меня шатает из стороны в сторону, позвоночник гнется, но почему-то не сыплется в трусы. Считаем «блины»:

1. Лежащая, ничего не понимающая мама.
2. Сиделка, попавшая под машину.
3. Отсутствие зарплаты и каких-либо денежных поступлений.
4. Отключенные электричество и вода.
5. Отсутствие какой-либо связи.
6. Тетя, от которой сбежала сиделка, и необходимость дважды в день идти к ней на 10-й этаж, мыть и пытаться накормить (и это на фоне обстрелов).
7. Выбитые у подруги в квартире окна, которые нужно заделать.
8. Дубль два – снова выбитые там же окна.
9. Обстрел квартала Алексеева, под который мы с сестрой и Джемом едва не попали, успев прыгнуть в подвал.
10. Смерть тети, которую нужно похоронить по-людски, что практически невозможно.
11. Стекла по всему городу и масса одичавших собак, что усложняет выгул Джема.

Все остальное – это мелкие брызги.

И, как ни странно, я эту штангу пока держу. Значит, позвоночник у меня крепче, чем я думала.

ВЕРА

Всю ночь гремела канонада. Взрывалось где-то не очень далеко. В черном небе вспыхивали и медленно догорали сигнальные ракеты. Едкий дым пожаров покрыл весь город... Ночь была шумной, но сладкий сон затянул в подушку – так и не стали спускаться в подвал.

Утром небольшое затишье. Забежала к соседским зверюгам с мисками каши. Они, скучающие по уехавшим хозяевам, не хотят меня отпускать. Уходя, перекрестила четвероногих: «Оставайтесь с Богом!»

Воскресный день. До храма доходим в тишине. Маленькая чистенькая церквушка словно непробиваемый купол – заходишь за ограду и становится спокойно. Совсем еще молоденький священник отец Николай служит искренне и с любовью, кажется, что его совсем не страшат трудности, а он даже рад испытаниям.

К середине службы начинается обстрел. К концу – снова затишье.

По дороге домой замечаю, как быстро и аккуратно на главных улицах латают дыры от разорвавшихся снарядов.

День жаркий и тягостно-депрессивный. В полурасплавленном состоянии доплелись до дома. Уничтожающая жара...

Вернувшись домой, обнаружили в панике мечущихся соседей: пока мы были в храме, наш район активно обстреливали. Один снаряд угодил во двор соседей с теперь уже нашими животными. Терзаясь страшными картинками, долго не решалась пойти к разбомбленному дому. Даже были мысли, чем и как придется добивать умирающую в муках собаку, будка которой находится по середине двора, а она на цепи. Пока меня кошмарили дурные мысли, мужчины общими усилиями открыли заклинившую калитку, перекрыли газ. Сложно было определить эпицентр взрыва, который явно был во дворе в двух-трех метрах от будки. Весь двор сметен, срезаны деревья, вспахан асфальт, осколками посечена крыша, выбиты окна, металлическая входная дверь как решето, но дом к счастью цел. В воздухе удушающая примесь газа – на углу дома стояли баллоны с газом, чудо, что они не взорвались! Нашей радости и удивлению не было предела! Мне на встречу по осколкам пробирался перепуганный кот, а с цепи обеспокоенным, но вполне здоровым лаем встречала собака. Как им удалось выжить? Вот уж действительно, остались с Богом!

А еще один оставленный пес Семен от тоски за хозяевами ничего не ест. Хожу вокруг него, упрашиваю не кончать жизнь самоубийством...

ТАТЬЯНА

Война проявляет истинное лицо человека.

Сиделка моей тети оказалась крысой, сбежав от нас и не предупредив, что уезжает, но «наколов» при этом на тысячу. Как хочется посмотреть ей в глаза и сказать все, что я думаю, с использованием отглагольных прилагательных. А чужой мужик, когда я искала солярку для катафалка, дал мне 7 литров по той же цене, по которой покупал сам. Если бы не он, мы бы не смогли похоронить тетю...

Война вернула порождение советских времен – очереди. Причем, самые длинные по хлеб, водой и собачье-кошачьим кормом. Последнее внушает оптимизм: люди не черствеют душой, их любимцы, как и раньше, им не безразличны. Но, увы, не всем! Я видела на улицах выброшенного стаффа, московскую сторожевую, сиамскую кошку. Особенно впечатлил шарпей: в шлейке, с поводком и воткнутой за шлейку запиской. Соседи сказали, что его высадил мужик из черного «мерса». Конечно, такому очень сложно было пристроить собаку в хорошие руки. К счастью, шарпея забрали себе МЧС-ники.

Одни своих собак выбрасывают на улицу, а другие подбирают чужих. Девочка-соседка завела себе щенка. Это еще одно подтверждение моей надежды на то, что все будет хорошо: она его считает не обузой, а радостью!

ВЕРА

Первым делом спускаюсь в переулок, чтобы покормить зверюг-погорельцев. Явно располневшая собака, еще недавно проглатывающая на лету недозревшие груши, на пятый день потекших холодильников весело подкатывается к миске с двойной порцией мяса, а кот все печальнее вылавливает из каши куриные головы с душиком. Заглядываю к отчаявшемуся Семену. Еда не тронута. Остаток дня хожу, молюсь: «Господи, придумай что-нибудь!».

Вечером муж не выдерживает и идет в соседний двор искать Семена. Обнаружился горемыка, упавшим в подвал кухни. Большому псу самому не выбраться, а нам спускаться страшновато – собака серьезная, зубастая. И оставлять так нельзя. Что делать? Оглядываюсь: на гвозде висит старый зонт с ручкой-крючком. Мой муж Дмитрий поддел крючком зонта за ошейник, медленно заставляя зверюгу подтянуться кверху. И вот они вместе, в жарких объятьях, повалились на землю. Благодарная зубастая псина сразу дала понять, что отныне мы друзья навек. А я не могла поверить своему счастью: во-первых, все живы, во-вторых, в кухне, которая была нам недоступна из-за грозного пса, обнаружили большие запасы воды. Вечером, разделив 8 литров «трофейной» воды на 2 грязных тела, позволили себе немного поплескаться.

ЮЛИЯ

Я плохо подготовилась к войне: свечей мало, бутылок для воды мало, тележки, по воду ходить, – нет(((. Сосед принес две свечки (по 20 гривен) – спасибо большое.

Стала выходить на улицу исключительно возле дома. Людей очень мало: нас в доме (хрущовка 5-этажная, 6 подъездов) осталось 33 человека в двадцати квартирах. В нашем микрорайоне осталось человек 100 – 150, а в хорошие мирные времена было около 4 тысяч. Много пожилых, неходячих, больных...

Из источников информации появился телевизор с каналом «Россия 24» от аккумулятора легкой машины (один добрый человек транслирует) – сбор в 17.00 у его машины. Второе окно в мир – в 20.00 украинское радио в одном месте ловит. Так что выбор есть.

У нас образовался комендант – из афганцев. Теперь гарантирует порядок. Особенно это нужно на раздаче воды – нервы-то у всех никакие. Начали давать гуманитарку. Особо активные пенсионеры поехали её добывать. Дают по паспорту: по 1 кг риса и гречки, 1 л растительного, 1 пачка сливочного масла.

Вчера разбили мою школу, снаряд попал в крышу и прошил всё здание с 1-го по 4-й этажи. Школы больше нет...

Заветные слова: МИР- ЖИЗНЬ-ТИШИНА.

ТАТЬЯНА

Отдельно напишу о личном водоснабжении.

Кое-каким районам повезло: например, на Городке завода ОР вода самотеком шла на нижние этажи. А мы уже через несколько часов после отключения света почувствовали всю прелесть безводной жизни. Я, правда, девушка запасливая, наполнила полванны и, к тому же, у меня на лоджии в ожидании подобных ситуаций уже стояли баллоны с водой.

Первое время вода в ванне очень меня выручала. Вот, правда, мыться приходилось, проявляя смекалку и чудеса изворотливости. На пол в ванной ставился тазик (соответственно, весь пол был занят). За порогом оставались одежда и тапки. Я становилась в тазик и обливалась сверху водой. Весь фокус был в том, чтобы вся стекающая с меня вода попала в тазик. А учитывая отдельные выступающие фрагменты моей фигуры, это было не просто. Поэтому после помывки я при свете фонарика собирала тряпкой с пола воду и выливала ее в ведерко. Вода из тазика шла в туалет, а из ведерка – на полив цветов на балконе. Простите за такие подробности, но процесс помывки и правда был очень трудоемким.

Можно себе представить, как я была рада и даже счастлива, когда вода в ванне закончилась и я наконец-то смогла купаться в ней.

ЮЛИЯ

Открывается сезон охоты на воду. Все организовано бегают по воду, я пишу «бегают» и это правда, и 70 – 80-летние тоже, еле передвигаются бабульки и дедульки тянут эти 5-л бутылки из последних сил.

Воды нет 4-е сутки. Говорят на Горводоканале разбомбило бак 600л с маслом: теперь ни масла, ни воды. Со светом то же самое: высоковольтные линии перебило, ремонтировать, пока бои идут, никто не будет.

В 7.30 иду на ручеек по воду. В двух сумках бутылки – 17 литров. На ручейке народу много, очередь большая, я набирала в пруду, там стоячая вода, но лягушки водятся, значит брать можно. Ходила два раза. Спина и руки отваливаются от тяжести.

«Надыбала» воду в подвале одного из домов, добрые люди подсказали, пошла без фонаря, на ощупь. Этот подъезд (где в подвал спуститься можно) вчера обстреляли, дырки в стенах. Газа у них в доме нет – в трубу попало. Сходила по воду в подвал. После обеда другие «добрые люди» кран прикрыли. Где теперь воду брать, непонятно. На ручеек – опасно, уже погибло трое людей и ранены несколько. Там заминировано. Один мужчина мертвый лежал сутки, пока искать не кинулись...

Говорят, питьевую воду должны привезти...

О! Новый источник. На нашей котельной можно разжиться водичкой. Она конечно странная, какая-то, но всё равно – ВОДА!!!

На обратном пути опять под обстрел попала. Повалялась немного...

Магазины все закрыты. Гуманитарку привезли – давали по три наименования в руки. Хлеб возят через день. Я не беру, у меня сухари, и то не ем. Вчера возле хлебного киоска убило одного пенсионера, другой ранен в ногу.

В 14.00 привезли питьевую воду. Некоторые женщины истерят, плачут – паника в общем тоже страшная вещь. Пока воду ждали было очень страшно, потому что уже не раз было – обстреливают людей «на воде».

На ручейке тоже продолжают гибнуть люди. Уже не понятно сколько народу там полегло, а все равно продолжают туда ходить: моются прямо там и воду берут и на минах подрываются так, что хоронить нечего. Приехал экскаватор «засыпал» – всё, что осталось в общую могилу, вот и похороны... Царствие Небесное всем ВАМ!

На обстрелы уже никто не обращает внимания. Война ... Нужно постоянно куда-то бежать, или за чем-нибудь, или прятаться...

Продолжается охота на воду... На проходной продают воду: 1,5 л – 9.00 грн., 5 л – 17 грн. О как! Кому война, а кому мать родна!..

ТАТЬЯНА

На следующей неделе будем праздновать маленький юбилей – месяц без света и воды. Если со светом вопрос можно было решить, не выходя из дома (фонарики, свечи уже были заготовлены на всякий случай), то с водой было не так просто. Пополнение запасов воды – каждодневная задача. Первое время, мы брали воду в пожарке – стояли в очереди к гидранту по 4 – 5 часов. Потом эти водяные очереди стали обстреливать, были погибшие – и пожарные перестали выставлять гидрант. Мы стали ходить к колонкам.

Два наших маршрута: 1) на Гусиновку к церкви или чуть ближе, на Московскую. Если нет людей, операция занимает полтора часа и идешь по асфальту. 2) на ул. Лермонтова – по времени быстрее, 45 – 50 минут, но полдороги – это камни и щебенка. Тележкой ехать очень тяжело. Зато быстро, что в военное время очень важно.

За один раз, в тележке и рюкзаке, я привозила 25 литров воды. Если удавалось за день обернуться дважды – 50. Мой личный рекорд – 30 литров за раз. Колени загробила на фиг! Про остеохондроз можно даже не говорить! Зато купалась, мыла голову, стирала, а периодически даже мыла полы. Да и цветочки свои тоже поливаю, хотя петуньями на балконе пришлось пожертвовать.

ВЕРА

Знойный день полон забот. На грядках поспели помидоры – пора подумать о консервации. Без воды процедура выглядит безрадостной. Сегодня собрала созревшие помидоры со всех вверенных мне дворов – такого урожая не было давно! Часть оставила на угощение, остальные перемолола на томат (будет, чем утешить вернувшихся соседей, – ведь столько труда было вложено).

У соседей стоком, тонкой струйкой течет вода, если она закончится, будет совсем печально – поблизости нет скважин.

Воздух плавиться от жары – просто испепеляющий зной. Нет воды, света, связи. Нет лекарств в аптеках – да они и закрыты давно. От давления спасаю мужа мокрыми тряпками и дыхательной гимнастикой.

Мытье посуды в мисках занимает большую часть вечера, зато вторую половину венчает чаепитие при свечах. Как ни странно это звучит, война внесла в нашу жизнь и положительные коррективы. Раньше я часто обижалась на мужа за бесконечное пропадание в интернете, а он на меня – за нескончаемые разговоры по телефону. И вот, пожалуйста, нет ни интернета, ни телефона, да и людей почти нет. Только Он и Я – Романтика!

ЮЛИЯ

Тишина... Тишина пугает очень сильно. Непонятно что будет после неё – подсознательно готовишься к . . . ., не хочу писать ничего ужасного, не хочу отрицательно заряжать пространство вокруг себя и в себе.

Утро слезливое... Думаю о родителях, сестре и племяннице: где Вы мои родные, мне без Вас очень плохо, одиноко, простите меня за всё. Смотрю на ваши фотографии, разговариваю с вами. Я вас очень люблю и хочу, чтобы мы были вместе и сами решали, когда и куда нам ехать, где жить и с кем. А слёзы уже и не солёные... Прошу Боженьку каждый день, чтобы быстрее все ЭТО закончилось, чтобы я осталась жива, и мы встретились. Дай Бог!

Сегодня впервые за две недели была в городе. Была в университете. Работаем... В городе тоже нет ни воды, ни света, ни связи. Люди ходят, даже двоих детей видела, лет пяти примерно.

Вернулась домой, а ко мне сестра приехала, собрали кое-какие вещи для родителей. Пока сидели, наступил полдень – время обстрела, а мы две «блондинки» засиделись. Пока шли на остановку, попали под минометный обстрел, валялись на асфальте. Проводила её до середины дороги и расстались... Связи нет – переживаю, как она, добралась ли? Верю, что она еще сможет уехать в мирную жизнь!

ВЕРА

Наслаждаемся редкой тишиной. Никогда не могла себе представить, что короткие моменты затишья будут столь драгоценными.

Стук в калитку. Неожиданная, но приятная встреча – пробравшийся из деревни отец Александр. Быстро, не реагируя на наши попытки отказаться от выгружаемых из машины продуктов, благословляет – и машина растворяется в раскаленной пыли как мираж... Разбираем подарки: просфоры, 3 банки куриной тушенки, немного домашних яиц.

Позже заходил Палыч, принес бутылку кваса и радовался, как ребенок, что смог меня удивить. Воды нет, а тут – квас! Роскошь. Рассказал, что утром к очереди у местного магазина подъехали ополченцы и раздали детям ситро, взрослым – квас.

Благодаря еще одним уехавшим соседям, оставшиеся обедали по-царски: зажаренное мясо, сочные розовые помидоры, черный ароматный чай, бутылка красного вина – остатки довоенной жизни.

На обратной дороге забегаю покормить зверюг-погорельцев, и снова начинается обстрел. Пулей мчусь домой, но планирую вернуться и хоть немного навести там порядок – создать видимость жизни.

ЮЛИЯ

Цивилизация возвращается и народ тоже. На рынке не протолкнуться, всё подорожало. Окунулась чуть-чуть в мирную жизнь, её подобие. Вышла на охоту по воду. Вокруг что-то происходит: где-то начался пожар – столб огромный черный, где-то работали «Грады» с разных сторон ... Разошлись по домам... В 17.00 погудела машина, все сбежались, человек 45 – 50. И вдруг резкий свист, хлопок, все попадали на асфальт... Я (как настоящая блондинка) красиво присела (страх парализовал). Второй залп... Меня кто-то толкнул, чтобы я легла. Лежим, вжавшись в асфальт, а мины всё летят и летят эти ...

Рушатся дома, слышно не только звон стекла, но и как стены и потолки проваливаются, деревья падают. Прекратилось вроде... Начали очухиваться.. Побежала домой, на бегу увидела в одном из домов вздыбленная плита между 5 и 4 этажами, проваленные крыши, срубленные огромные тополя. В моем доме взрывной волной повыбивало стекла в старых окнах, где они ещё уцелели. Страшно было в толпе охваченной страхом и паникой. Постоянно шептала: Господи, помилуй! Потом на два часа впала в ступор: не говорила, не ходила, просто сидела в пустой, темной квартире одна, как и всё это время... Наказание это или испытание – не знаю. Надо жить! Будем жить! С нами БОГ!

ТАТЬЯНА

Военный рацион... Я далека от того, чтобы сравнивать наше питание с тем, что было у людей во время Отечественной войны. Упаси Боже! Мы не голодали. Просто меню стало весьма своеобразным с учетом отсутствия холодильника.

Если я утром варила гречневую кашу, мы все троим (мама, Джем и я) ели ее целый день. Если я покупала кусок курицы, то из нее варился бульон для мамы; основную часть мяса лопал Джем, мне доставались остатки, но я могла догнаться, например, бутербродом с сыром или хлебом с вареньем.

Нередким было сочетание малосочетаемых блюд: остатки манной каши от завтрака и жареная салака – это был обед. Холодный обеденный рис с майонезом – ужин. Овсянка с помидорами, гречка и виноград, суп и хлеб с майонезом... По количеству калорий, вероятно, недобора не было, но постоянный стресс и очень малое количество сладкого (почему-то впервые в жизни его не хотелось) сделали свое дело. То, чего я безуспешно добивалась последние два года, произошло: я похудела на 6 кг. Это при том, что хлеба стала есть гораздо больше, чем раньше. Ура, я вошла в джинсы, которые тосковали без меня уже четыре года...

ВЕРА

К обеду ждем в гости соседей, чтобы как-то празднично утилизировать многострадальные остатки пищи из холодильника, думаю, холодильник теперь должен называться иначе, «просто шкафчик». Поставила в духовку большой яблочный пирог (благо яблок в соседних садах валом). Пора привыкать к чаю без конфет... Но я нашла еще один плюс в нынешнем положении: можно безнаказанно трескать сгущенку, припасенную в хорошие времена.

Пришел отец – и все вместе мы расположились во дворе, под раскидистыми яблонями. Был какой-то особенный тихий день, и ничто не напоминало о войне. Мужчины решали хозяйственные вопросы, а мы с соседкой наслаждались редкой тишиной, летом, россыпью душистых цветов и тем, что не надо ломать голову над приготовлением обеда.

Отец, словно сбросив два десятка лет, оживленно рассказывал о годах, проведенных на севере в экспедиции.

Мы славно провели этот день.

К вечеру стали слышны далекие гулкие взрывы. Пару раз напомнил о себе «Град». Вечером разразилась гроза... Дождь, правда, был символическим, но на закате – потрясающе красивое небо и широченная на полнеба радуга... «Слава Богу за все!»

С дождем, как по команде, вступили в перепалку тяжелые орудия. Да и «свидомые» минометчики с удовольствием использовали момент шумовой завесы. Было жутко. Мне точно. Если бы не невозмутимый вид хозяина дома, я бы уже сидела в подвале. Но, преодолевая страх и вздрагивая после каждого раската, пришлось составить ему компанию.

Раскаты грома перекрывали работу гаубиц и «Градов». Метрах в 20-ти от нашего дома в сарай попала мина, к счастью, никто не пострадал. Ополченцы тут же вычислили минометчика, некоторое время были слышны удаляющиеся отголоски погони.

Выйдя утром из дома, возле ближайшей девятиэтажки замечаем первую воронку – последствия вчерашнего обстрела, через 50 метров – вторую, немного недотянувшую до газового распределителя. Осколками повредило магазин. Еще метрах в 30 – догорающие остатки двухэтажного дома... Сердце сжалось, голову моментально перетянул обруч боли, может, это дурной сон? Скорей бы проснуться.

Только ступили на порог дома – опять началась канонада. Вместе с котами спускаемся в подвал. Чтобы не падать духом, думаю о блокадном Ленинграде. Мы сейчас в несравнимо лучших условиях, нам вообще грех жаловаться!

ВЕРА

Собираемся на праздник – первый Спас под переключку орудий, ожидая, что скоро, как всегда, начнется и минометный обстрел. Мака нет, меда – тоже, но я все-таки собрала букет из мелких садовых цветов соседского сада – праздник же! Выходим из дома под залпы тяжелых орудий: не успели отойти, как проснулись вражеские минометчики. Пара снарядов пролетает над головами и падает на территорию завода, оглушив нас противным металлическим взрывом, третий тупо плюхнулся, не разорвавшись, значительно ближе. Ускоряем шаг, инстинктивно ощупывая глазами каждый выступ дороги, чтобы в случае необходимости было куда упасть. Но идти все равно надо: Господи, спаси нас!

И только в храме ощущаешь себя в полной безопасности: зарядившись оптимизмом от молодого священника, отправляемся домой. По дороге, во дворе многоэтажки замечаю девочку лет шести, которая оживленно что-то рассказывает маме, нашей соседке. Вдруг раздается залп из тяжелых орудий. Вздрагиваю, оглядываюсь. Девочка, даже не моргнув, спокойно продолжает что-то рассказывать. Мне даже неловко стало, а ее мама, заметив это, говорит: «Да Оля знает, что это ополченцы, и не боится».

ЮЛИЯ

Раннее утро. День авиации. Я сижу перед открытым окном. Птицы и те не поют, кричит какая-то одинокая птица вдали, но этот крик песней назвать никак нельзя(((

В 6.00 утра – «приветствие» жителей бывшего летного училища штурманов начинается залпами из разных орудий. Днем «прилетело» в подвал дома, где импровизированное «бомбоубежище», – провалилось одно перекрытие. Бабули перепугались... Слава Богу, все живы! С праздником вас, люди добрые. С Днём авиации!

С учетом того, что я живу в бывшем военном городке, где стоял полк авиации, звучит особенно цинично. Папа, я тебя люблю и поздравляю! Как хорошо, что ты, летчик, этого не видишь. Помнишь, год назад, мы праздновали у нас на детской площадке: кулеш, людей много – а главное мы ВМЕСТЕ были. После праздника в этом году останется аллергия на салют – будет до конца жизни!

Человек, конечно, ко всему привыкает, приспосабливается, но в 21 веке, в центре Европы обрекать людей на лишения, убивать и уничтожать города – это противоестественно, недопустимо, страшно, безбожно! Боже Всемогущий – запрети войну, убийства, страдания. Прошу тебя сделай так, чтобы был МИР!!!

ТАТЬЯНА

Удивительно, но свободного времени совершенно нет (при том, что я не работаю и встаю в 5 утра). Куда оно девается? Попыталась определить: 1) привоз воды – от часа до трех; 2) рынок, магазины – тоже пара часов (приходится бегать по разным точкам, стоять в очередях (как не вспомнить былые 90-е?), пока купишь самое необходимое; 3) попытки позвонить – от полутора до трех; 4) приготовление пищи и мытье посуды, при отсутствии воды, тоже занимает уйму времени. А поскольку нет холодильника, готовить впрок не получается – готовлю каждый день; 5) мамулька – два часа (мытьё, кормление, обработка ран и пр.) Это не считая некаждодневных дел типа уборки, стирки и т.д. А если учесть, что в 7 вечера день в принципе заканчивается (темнеет), то и выходит, что свободного времени нет вообще.

Зато выспалась на месяц вперед: спать приходится ложиться около девяти. Сначала спала без просыпу, в последнее время в три – полчетвертого просыпаюсь – выспалась... А первое время, в июне-июле, днем все время спала, ходила, как сонная муха. Нет, пусть уж лучше времени не хватает, а то отупеешь и превратишься в овощ... Кстати, у сестры после того, как прекратились обстрелы Луганска, началась бессонница: она все время прислушивается, ждет выстрела. Думаю, она не одна такая...

ВЕРА

Со стороны г. Счастье, подконтрольного украинской армии, регулярно обстреливают жилые кварталы, а «желто-голубые» «патриоты-минометчики» метят в очереди по хлеб и воду, автобусные остановки, рынки, школы...

Жара!!! Все вокруг подыхает (самое подходящее слово), земля превратилась в камень, небо не голубое, а мутно-белое. Третьи сутки не прекращаются обстрелы. Воды при этом не предвидится, да и водитель каждый раз меняет место привоза. Но все равно иду в разведку по воду. Во дворе 9-тиэтажки – толпа ожидающих, говорят шепотом, опоздавшие передвигаются на цыпочках, даже животные подкрадываются. Накануне только в нашем районе минометчики расстреляли 2 машины с водой. Но все равно, как всегда вдруг, начинается минометный обстрел – и все расползаются с пустой тарой по домам. Несколько минут – и людей нет: улица вымерла.

У меня не укладывается в голове: как можно вести охоту на людей, обычных людей, стоящих в очереди по хлеб, воду? Людей, лишенных покоя, сна, не знающих, что с близкими, живущими даже в другом конце города? Те, кто называет себя патриотами Украины, просто не считают нас за людей, наверное, так легче нажимать на курок. Что ими движет? Не любовь к Родине – это точно.

ТАТЬЯНА

Природа пустоты не терпит – я в этом убеждалась не раз. Сейчас это подтвердилось в отношении друзей. Никогда еще я так не радовалась, если встречаю на улице знакомого. Коллега, шапочный знакомый, бывший сосед – все превращаются практически в любимых родственников. Лестничные площадки в подъездах стали клубами по интересам. В тех домах, где электроплиты, жильцы на костре готовят коллективные обеды и совместно их потребляют. Интересно, после войны эти отношения сохранятся? Или мы опять влезем в свои скорлупки?

Когда пытаешься анализировать свое внутреннее состояние – поражает почти полное отсутствие эмоций. Ты как будто замороженный, говорят, это эмоциональное выгорание. Я нахожусь в состоянии какого-то эмоционального отупения: не скучаю за подругами, не жалею себя, почти не боюсь обстрелов. Мозг отказывается анализировать ситуацию и выдавать прогнозы. Стараюсь не думать о будущем. Да и как о нем думать, если не знаешь, что с тобой будет через час. А я так всегда любила планировать...

В отношении некоторых моих знакомых произошла переоценка. К счастью, больше в лучшую, чем в худшую сторону. Одна моя, как я думала, по-

друга (нашим отношениям более 30 лет), пока была связь, не удосужилась позвонить из добровольной эмиграции и спросить: «Тань, ты там жива? Может, нужна помощь?» А шапочная знакомая из Полтавы (мы пару раз пересекались на конференциях) звонила постоянно, предлагала помощь. Меня до слез растрогало ее предложение: «Может быть, тебе нужны деньги? У меня есть 500 гривен». И я знаю, что эти деньги у нее не лишние, она бы оторвала их от себя, чтобы мне послать, если бы я согласилась...

Подруга детства, живущая теперь в Москве, звонила каждый день, пока была связь. Мой старый друг по аспирантуре нашел меня по городскому телефону и звонил трижды в день, пытаясь поднять мне настроение. И, конечно, прошли проверку этой войной две мои лучшие подруги.

Наступит мир, обязательно. И отношения с друзьями будут опираться на пережитое. Судя по всему, их количество не уменьшится, вместо одной выпавшей из обоймы появилось несколько новых. Может быть, вашими молитвами, ребята, я и жива...

И глубоко-глубоко внутри ощущение, что все будет хорошо. Что это значит – не могу объяснить, даже если очень попросят. Просто знаю – будет хорошо...

ВЕРА

Сегодня покапал долгожданный дождик и я даже успела собрать немного воды, благодаря которой переделала кучу дел: постирала смену белья, этой же водой сделала влажную уборку и остатками ее же полила еле живые огурцы. Чистота! Принесла в дом два букета из садовых цветов. Стало легче дышать. Поставив крест на попытке раздобыть хлеба, из остатков муки ставлю пирог с розочками из теста. Война войной – а красота по расписанию!

Готовясь к празднику Преображения собираю по соседским дворам яблоки, груши и виноград, украшаю корзинку цветами. Праздничная служба светла и торжественна. Были очень рады встретить в храме Татьяну, ведь сейчас каждая встреча со знакомыми – событие и праздник: человек жив! Такое чувство, что все мы, оставшиеся здесь, как четки, связанные невидимой нитью. Каждый говорит «Господи, помилуй!» – и мы уже держим друг друга и получаем незримую помощь. Со слов одного из священников, что скоро будет легче, я делаю вывод, что конца этой войне еще не видно. Главное, сейчас не думать: кто виноват и кто первый начал, а воспринимать все, как испытание. Нужно пройти его и не превратиться в злобную человекоподобную тварь...

НАДЕЖДА

Незабываемым в этом году был мой День рождения. Не было рядом со мной моих друзей, не было никакого праздничного настроения, ведь всю ночь не прекращались обстрелы. Но когда пришли гости, в основном оставшиеся соседи, которые принесли мне праздничный торт в виде булочки со вставленными в нее праздничными свечками, я на миг забыла о выстрелах. Это было трогательно до слез. Все желали мне не банальных вещей, а мирного неба над головой, ведь это самое главное не только сейчас, но и всегда.

А после мы все вместе, при свете керосиновой лампы, слушали рассказы моей сестры Оли, которая работает на почте в отделе телеграмм:

«Вчера одна старушка, мать сына, попавшего в армию во время мобилизации, со слезами диктовала текст телеграммы: «Сашенька, брат твой старший в ополчение ушел. За что судьба такая мне и нашему краю?»

«На днях беременная женщина с пятилетним сыном, дрожащими руками вписывала текст: «У нас все хорошо. Любим. Ждем» А мальчик теревит маму за подол и спрашивает, пойдут ли они сегодня водичку в бутылочки набирать...»

«А девчонки красят губы, целуют письма, кладут их в конверты «для незнакомого ополченца», и, смеясь идут домой...»

ТАТЬЯНА

3 сентября... Очень специфический юбилей: город месяц живет без света и воды. Уже очень напрягает. Воду приходится искать (многие колонки, к которым я ездила, перестали работать). А темнеет все раньше. Приходится ложиться спать в 9 часов. А через пару недель что – в восемь буду укладываться? Мне стала все время сниться мирная жизнь: свет в квартире, разговоры по телефону, подруги... Как же я соскучилась по всему этому! Днем не признаюсь в этом сама себе, а по ночам подсознание выдает.

Люди стали возвращаться в Луганск. Заработало шесть школ, детские садики, вузы. Приехавшие удивляются, что в городе, на первый взгляд, все нормально: на улицах не валяются трупы, нет развалин. Они приехали тогда, когда город стал восстанавливаться, не видели зияющих пустотой выбитых окон, переломанных осколками деревьев, дыма от горевшего Центрального рынка, пятен крови на асфальте. Только те, кто пережил здесь эти страшные месяцы, глядя на Луганск, залечивающий раны, помнит места, где они были.

На улицах уже как во время Первомайской демонстрации (правда, только в первой половине дня). На рынке прибавилось как продавцов, так и покупателей. Луганск готовится ко Дню города: парки, улицы приводятся в порядок. Хоть бы к этому дню дали свет и воду!

ВЕРА

Сегодня день города. Обещанные к празднику свет и воду так и не дали. Слишком много повреждений, да и материалов, как и специалистов, не хватает.

Утро солнечное, но холодное. Последние теплые деньки ... Навестили свекровь. Нам удалось раздобыть настоящего хлеба. И это уже праздник. Бережно выкладывая серую ароматную буханку, вспомнила бабушкины слова «Хлеб всему голова!» Позже, нарезая его тонкими ломтиками к ужину, я вспоминала каждый выброшенный мною, в мирное время, зачерствевший или покрывшийся плесенью кусок. Свекровь получила гуманитарку и мы, разобрав пакеты с продуктами, все вместе пировали макаронами по-флотски с русской тушенкой.

Сегодня ровно три месяца нашим республикам. Звучит еще непривычно. До войны летели дни, месяцы, годы... Военный день совсем другой, иной по своему составу, звуку и запаху. Пробудившись ото сна, еще не открыв глаза, благодаришь Бога за еще одну ночь и собираешься прожить новый день. Самые обыденные дела готовишься совершать, а по окончании радуешься, что получилось. Любое, даже самое простое дело, как подвиг. Каждый час жизни осмыслен...

ТАТЬЯНА

Во время войны меняются ценности. Тебе уже не нужны новые наряды, не так важна новая стрижка. Ты радуешься, если удалось с утра набрать воды на колонке без очереди или купить свежий батон, простояв всего 10 минут.

Понятия «красота», «макияж» тоже претерпели изменения. Помоешь голову – уже красавица. Красить ресницы тушью нельзя – вечером нечем будет смывать. Поэтому с утра обозначаешь карандашом глаза (пусть знают, что они есть), перед выходом на улицу красишь губы. И как неизжитая привычка мирного времени – духи. Если взглянуть со стороны, наверное, смешно. Одевалась так, чтобы не жалко было упасть на землю при обстреле: футболочка, соответственно, мятенская, джинсы поглажены солдатским методом (под матрацем) – и при этом благоухаю «Шанелью» или «Диором». Да, красиво жить не запретишь!..

За время войны очень изменился характер луганчан. Если вначале нередко вспыхивали скандалы и свары в очереди в аптеке, по воду, по хлеб, то сейчас я их уже не слышу. После обстрелов центра Луганска все живущие там, как-то сроднились, все здороваются в очереди по воду, помогают друг другу. Уже не раз ловила себя на том, что заговариваю с незнакомыми – и они охотно мне отвечают.

ВЛАДИМИР

Все, кто остался в городе во время войны, вероятно изменились. Да, это было самое страшное время для Луганска. Время, когда украинский Луганск погиб, чтобы восстать, другим, обновлённым, подобно Фениксу – из своего пепла.

Этим летом я увидел столько ужаса, что, пожалуй, хватило бы на 10 жизней. Я видел, как погибали люди, хорошие люди, которые имели любящие семьи, друзей, увлечения, свой смысл жизни. И всё это было стёрто в одну секунду: миной, осколком, пулей, артиллерийским снарядом, кассетной бомбой... Был человек – нет человека. Я помню, как начала появляться связь. Всего в двух точках в моём районе. Это было счастье, можно было узнать, что там с твоими близкими, сказать самые главные слова. «Я Жив». Или что-то, что не успел сказать до войны. Так вот, там тоже погибали люди, порой, не успев дозвониться до своих родных. Туда тоже били миномётчики, в людей, которые просто хотели написать или сказать всего одну-две фразы людям, которых они любят. Видя то, как погибают люди, которых мы знали, уважали, любили, даже те, кого мы недолюбливали, не любили или просто не успели узнать до войны, мы умерли сами. Внутри... Умерли, чтобы родиться заново, вместе со своим городом...

ТАТЬЯНА

Я никогда не думала, что в городе столько людей, готовых бесплатно работать волонтерами. Одна из девушек-волонтеров (по профессии финансист), разносившая гуманитарную помощь лежачим, рассказала, что после того, как их фирма закрылась, «чтобы не сойти с ума дома, я пошла в волонтеры». И таких достаточно много.

За время войны я освоила новую профессию – мусорщика-ассенизатора. После двукратного посещения горисполкома наконец приехала мусорка. Но мусора перед ящиками оказалось навалом. И я лично, своими ручками, вспомнив опыт археологических работ, набросала совковой лопатой три контейнера всякой дряни. Как ни странно, мой повышенный рвотный рефлекс куда-то подевался, да и обычную свою брезгливость я засунула подальше. Зато теперь у нас во дворе почти чисто. Остальное добросали через день. Кстати, когда мы позвали на помощь трех мужиков (а ассенизировали мы с тремя соседками) из соседнего дома, они на нас посмотрели как на дур. Короче, мусор убирали одни бабы. Видели бы меня мои друзья, метающую лопатой стекло и всякую фигню в помойку и перебивающую запахи помойки ароматом «Сады Нила» от Гермеса.

Так вот, о героизме... Это слово, мне кажется, имеет несколько уровней восприятия. Общеприня-

тый: герой – тот, кто совершил выходящий из ряда вон смелый поступок, вытащил ребенка из огня или бабушку из проруби, бросился на амбразуру и т.д.

Такие герои, конечно, есть и на нашей войне. Но я хочу написать о другом понимании героизма – непарадном, обыденном. Сегодня героев в этом понимании в Луганске очень много.

Герой – это и человек, который, идя по воду своей семье, возьмёт несколько бутылей и для своей пожилой соседки, кто поделится едой, кровом с нуждающимся человеком в то времена, когда самому тяжело.

Героями сейчас стали те, кто не бросил свою работу и делает ее под обстрелами: водители маршруток, дворники, электрики и, конечно, водовозы, медики и МЧС-ники. Сколько их уже ранено, а кое-кто и убит. Эти люди работают без зарплаты. То, что они делают, спасает жизнь всему городу, это уже не работа, это – подвиг.

Я себя к таковым не причисляю: иногда что-то сделаю для бабулек со двора, но это ерунда, так и должно быть.

А те, кого я имею в виду, должны быть после войны отмечены: премиями, наградами, людским уважением. Боюсь, что ничего этого они не получают. Но обычные жители, надеюсь, считают их героями. Я – точно!!!

ВЕРА

Вчера случайно встретились со знакомым водителем «скорой», который рассказал, как после каждого обстрела их машина курсирует по городу в поисках раненых. Так как связь отсутствует, люди просто выходят на дорогу и останавливают проезжающую машину «скорой» или авто с ополченцами, которые часто и сами доставляют раненых горожан в ближайшую больницу.

Каждый день врачи «скорой» готовы вновь и вновь патрулировать разбитые улицы, а оставшиеся в городе врачи – оказывать необходимую помощь. Меня поражают эти люди. Измотанные, уставшие, с красными от недосыпания глазами, вынужденные работать почти круглосуточно из-за отсутствия специалистов. Ведь многие покинули город, а те, кто остался, несут на себе весь этот груз блокадной жизни. Прибавив к этому отсутствие всех коммуникаций и постоянные обстрелы – и задача кажется просто невыполнимой. Но они справляются, не выражая при этом ни раздражения, ни пренебрежения, что нередко встречалось в прежней мирной жизни. В этих условиях никто из них не утратил чувство сострадания, элементарной человеческой порядочности. По-моему, все, кто остался здесь и, в таких условиях, и не стал зверем, заботящимся только о себе, – заслуживает уважения.

ВЛАДИМИР

Все это время мы были одной семьёй – те, кто оставались здесь, стояли со мной по воду, на водяной колонке. Ведь воды, как света и связи не было более 40 дней. Стояли стойко, не ссорились друг с другом, а шутили и общались. Несмотря на то, что над нами, порой, летали снаряды и, в любой момент нас могло разорвать в клочья миной, которые «доблестные» диверсанты любили пускать в скопления людей. Однажды, меня с мамой и соседями чуть не убило в такой очереди по воду. Мы ушли за 10 минут до...

Ведь, как оказалось, террористы-сепаратисты не достойны права пить воду. Следует пояснить, что «террористы-сепаратисты» – это люди, которые остались здесь из-за любви к городу, своему дому вне зависимости от их политических взглядов и мировоззрений.

Действительно, подумаешь, всего-то несколько женщин, мужчин, парочка ребятишек стоят по воду. Мы же недочеловеки, с чего думать о том, что одна из этих людей – врач, спасшая за свою жизнь невероятное количество людей, а тот мужчина – строитель, построивший десятки домов, а детишки, что стоят тихо, не играют, а прислушиваются к звукам, всё время в напряжении, под страхом смерти, начеку – будущие учёные, спортсмены, музыканты. Мы все стали одной семьей и навсегда останемся ею.

ВЕРА

На улицах – ополченцы, одетые кто во что: пыльные, небритые, уставшие, но веселые. Их можно встретить повсюду. Освободившись от военных действий, оказывают помощь всем службам: развозят воду и продовольствие, помогают в починке разбитых домов. Как сказал один из моих соседей: если что понадобится, останови машину с ополченцами и они обязательно помогут.

Все уже как-то адаптировались к отсутствию света и воды, а связь, иногда потратив немало времени и сил можно поймать. По местному радио объявили строгую экономию электроэнергии. С сего дня бойлер включаем раз в день, от электрочайника можно отказаться, пылесос – раз в неделю. Мой взнос в экономию.

Люди продолжают возвращаться в Луганск. Сегодня вернулись соседи Лариса и Виктор. Буря эмоций. Радости пса Семена вообще нет предела. Они были совсем недалеко под городом Счастье, «в тылу врага». С болью в сердце наблюдали, как с их территории на Луганск летели снаряды. Иногда мимо дома, где их приютили, проезжала грузовая машина, за ней трактор и бочка на прицепе. Как-то спросили, что везут, местные ей тихо объяснили, то в грузовике убитые солдаты украинской армии, их сваливают в вырытые рвы и засыпают какой-то хи-

мией из бочки, закапывают, а место трактором разравнивают. Таким образом, тысячи солдат числятся, пропавшими без вести. Видимо, это происходит по всей линии фронта.

Теперь наша Луганская и Донецкая земля – братская могила для правых и левых.

Мы привыкаем к мирной жизни... Идем, шурша мягкими перинами желтых листьев. Выбираем солнечные участки улиц, нежась в последних теплых лучах остывающего осеннего солнца. Отовсюду доносится стук молотков, спешат залатать разбитые крыши до затяжных осенних дождей. Проходя мимо одного из домов, обнаруживаем во дворе аккуратно сложенную гору из длинных защитного цвета, надежно сбитых ящиков. Стройматериалов не хватает и крыши латают, разбивая ящики из под снарядов. На газонах зеленая трава все ближе подбирается к воронкам от взрывов. Земля затягивает свои раны. Периодически слышны глухие хлопки – разминируют неразорвавшиеся мины в домах и огородах.

Мне нравится, как живет сейчас наш город. Без суеты, без лишнего шума. Люди стали больше общаться друг с другом, стали более доброжелательны. Мы уже почти привыкли к тишине, только разрушенные дома и ополченцы на улицах все еще напоминают о недавних военных буднях.

НАТАЛЬЯ

...Сентябрь окрашен нотами томительного ожидания и надежды. Ведь хрупкое перемирие подарило радость снова быть дома, рядом с близкими, и одновременно с этим – чувство бессильной ярости от того, что сделали с твоим городом, твоим домом, людьми, которые уже никогда не станут прежними. Немногочисленные в этом сентябре первоклашки с белоснежными бантами стали символом надежды и веры в лучшее, продолжения жизни, но торжественная линейка в моей родной школе, начавшаяся с минуты молчания о погибшем во время летних обстрелов ученике третьего класса и его маме, звучала напоминанием о том, что не может быть предано забвению, что навсегда останется в памяти и сердце, о нашей ответственности перед будущим.

СВОИМ ЧЕРЕДОМ...

ОКСАНА

Свадьба «в зоне АТО»...

*Я хотела написать об этой свадьбе,
но под другим ракурсом – о любви двух
любящих сердец, находящихся в разных концах
земного шара, родившихся в полюсных
материковых зонах и в разное время,
с непохожими культурой и языком. Девочка*

*Сказка жила в миролюбивой стране
под названием Украина, а парень Бин
уже работал в экономически развитой,
динамичной стране под названием Китай.*

Если бы не одно НО.

Свадьбу праздновали «в зоне АТО»...

Она всегда была не похожей на ровесников, сторонилась одноклассников, избегала общения, была закрытой для многих. Долгие годы классный руководитель даже не знал, что девочка Сказка красиво рисует, умеет играть на фортепиано, красиво петь своим нежным голоском, как она сама. Но Сказка создавала свои шедевральные детективы о далеких странах и украинцах-переселенцах в Латинской Америке, читая их только своей маме – главному ценителю ее творчества. Как любящая свое единственное дитяtko, мама, конечно, хвалила творчество Сказки и пророчила ей великое писатель-

ское будущее, при этом понимая, что мотивация – это главный механизм словотворчества дочери. Шли годы и ничего в жизни Сказки не менялось – она по-прежнему была не похожа на других. Одноклассницы целовались в коридорах с мальчиками, гуляли вечерами и пропадали на различных провинциальных тусовках. А Сказка жила другой жизнью...

Но вот подошел выпускной класс – экзамены, тестирование и выбор университета и престижной специальности. Сказка с мамой объездила ряд украинских вузов и остановилась на Луганском, потому что здесь изучали экзотические языки – японский, иврит, турецкий и китайский. Вот здесь наша Сказка и поняла, что ей хочется понять этот непонятный язык для всех жителей Восточно-Европейской равнины.

Но спрос на эту специальность был бешеный и наша героиня в числе отобранных будущих лингвистов начала грызть гранит науки – тот самый китайский язык. При чем, весьма удачно. Похвала преподавателей вдохновляла Сказку на языковые иероглифические подвиги и вот результат – девочка Сказка уже размечталась ехать на стажировку в Китай.

И вот долгожданный и непонятный, чужой и странный Китай. Авиаперелет был, как всегда в

украинских авиалиниях, полуголодный и тяжелова-
стенский. Но еще тяжелее было лететь китайскими
авиалиниями в толпе китайцев, которые не толь-
ко сидели, но и умудрялись стоять в проходе само-
лета. Вообще, когда группу студентов встречал
представитель, а точнее, милая представительница
одного из вузов, – нашим девчонкам уже было все
равно, куда их повезут и что с ними будет. Потом
двухмесячный культурный шок, отсутствие евро-
пейской еды, сброшенные десятки наеденных
килограммов в Украине веса, запрограммиро-
ванные китайцы-преподаватели и отсутствие
элементарных бытовых условий – отопления в хо-
лодное время года, избытка горячей воды и прочего
европейского баловства (то ли еще будет). Научи-
лись принимать душ за 3 минуты, есть лапшу, рис
с овощами и учить китайский язык. Именно там, в
южной провинции Китая в Мейчжоу, девочка Сказ-
ка познакомилась с индонезийскими, американ-
скими мальчиками, совершенствовала свой язык в
прямом и переносном значении: утром – русский,
днем – китайский, вечером – английский, ночью –
украинский (да, домашние задания в Луганском
университете никто не отменял).

А теперь самое интересное. И вот увлечен-
ная языками девочка Сказка не заметила, как к ней
тихонько подобрался китайский парень, который

преданно смотрел в глаза и не подавал малейшего намека на проявление повышенного внимания (да, китайцы такие – они умеют выжидать). Они вместе гуляли, общались, вели светские беседы, кушали в кафе. Наш китайский парень, назовем его Бин, смог осознать, что перед ним та девочка Сказка, которую он искал долгие годы. Оказалось, что она весьма начитанна, прекрасно играет на фортепиано, имеет нежный тонкий голосок, излишне скромна, вежлива, терпелива... Но самое главное – он увидел ее внутреннюю красоту и понял, что она единственная и неповторимая Сказка.

Но наша героиня на летние каникулы улетела в Украину. Бин долго ждал ее и надеялся долгие три месяца, что она вернется.

Ее возврат был непростой – тяжелый перелет, грозовые бури, задержка авиарейсов из Гонконга. Он не спал и не ел, ожидая ее с букетом белых лилий в Ченгду. И она вернулась. Букет явно привял, если не сказать, что завял. Но не важно. Хотелось бежать, обнимать и кричать. Но нет. Китайцы не такие – они умеют выжидать. Из аэропорта возвращались в такси, прижавшись друг к другу, но сдерживая себя. На утро Бин привез завтрак в постель девочке Сказке, которая поселилась с новозеландской и малазийской коллегами в одной квартире.

Именно с этого момента девочка Сказка и парень Бин решили быть вместе. Держаться друг друга в этом полтора миллиардном китайском социуме: совместные вечера, возвращение домой на мотоцикле, общие выходные где-то на лоне природы, общие друзья. Все складывалось хорошо. Но возникли сложности с рабочей визой девочки Сказки (уж слишком она была юна для этого) и ей пришлось улететь. Это было тяжелое расставание. Бин понимал, что она не вернется. Чтобы быть с ней – ему нужно лететь в Украину.

Долгую зиму они общались в скайпе, проживали часть своей виртуальной жизни. Но как же хочется жить настоящей полноценной судьбой молодых людей. И Бин решает лететь к ней.

Это было 11 мая 2014 года. Когда началась война на юго-востоке Украины (украинские власти это назвали АТО – антитеррористическая операция). Весь мир, затаив дыхание, следил за событиями. А Бин летел, снова летел и ехал поездом, не думая о том, что с ним будет. Верней: думал, но понимал, что любовь – это чувство, которое вдохновляет мужчин на сильные поступки.

Этот китайский парень провел свое лето в зоне АТО с 14 мая по 19 июля.

Вы спросите: почему так долго? Я вам отвечу: по украинским законам молодожены должны были

пройти испытательный срок в течение месяца – это раз. Потом Бин ждал справку с украинского посольства, находящегося в Пекине, которая подтверждала, что он холост. Это еще месяц. Так что никакие «военно-политические события в зоне АТО» не могли нарушить обычный режим регистрации брака молодых людей. А наоборот – усложнял. На дверях загса объявление: В связи с тем, что идут боевые действия в зоне АТО, время работы загса – два раза в неделю. Но ведь любовь никто не отменял? Длинные очереди в этом прекрасном учреждении подтвердили, что настойчивые женихи и невесты не меняли своего решения даже в зоне АТО.

Но на этом сложности в создании интернациональной семьи не закончились. После подачи заявления нужно было за неделю до росписи прийти с китайским переводчиком в загс и подтвердить правильность заполнения анкеты и настойчивые намерения в реализации свадебной мечты. Но о переводчике, который дал твердое согласие быть в назначенный срок позже. Кстати, он жил в районе Луганского аэропорта – ничего не предвещало беды.

Первая беда случилась, когда счастливые Сказка и Бин возвращались с первыми покупками – авиационный налет на областную администрацию. Они видели и слышали самолеты, которые стали «первыми ласточками войны» в Луганске. Сказка

и Бин, прижавшись к одному из зданий, находясь недалеко от места обстрела, думали уже о том, как выжить и не умереть. Кто мог подумать, что в 21 тысячелетии украинские самолеты будут убивать луганчан – жителей своей же страны? Они вернулись домой с массой вопросов и с отсутствием ответов. Хотелось кричать: что вы делаете, Самолеты? Мы хотим жить-жить-жить...

Время остановилось. А мозг продолжал работать – нужно жить дальше и выжить... Свадебное платье выбирали перебежками, когда не было обстрелов и взрывов. Успевали немного радоваться. А потом снова возвращаться в реалию. Один за одним стали закрываться магазины. Приходилось пешком по невыносимой жаре по центральной улице Луганска – Оборонной (практически перестал функционировать общественный транспорт, потому что участились случаи минометных обстрелов и гибели водителей и пассажиров) ходить и искать мелочи, которые позже должны были стать важными на свадебной церемонии. Таким образом, за несколько коротких дней были скуплены свадебные реквизиты.

Теперь нужно было найти помещение для проведения церемонии. Отдельное спасибо нашим «кавказским» рестораторам (пускай не обижаются и не считают это шовинизмом) – именно их развлекательные заведения соглашались помочь в про-

ведении праздника. Они остановились на «Аквариусе» – очень уютном, тихом культурном ресторанчике по дороге к Луганскому аэропорту. Мне кажется, что в это суровое время по случаю такого события сам хозяин был безмерно рад посетителям. Но не только счастлив, но и озабочен географическим расположением по отношению к аэропорту. Но об этом позже.

Какая свадьба без тамады? Наверное, это первые люди (они сейчас называются аниматоры), выехавшие из города в связи с началом летнего сезона где-то в курортных местах Крыма, Приазовья и прочее. Таки нашли. Ведущие даже умудрились гулять свадьбу в Станице Станично-Луганского района сразу после первой бомбежки в первых числах июля. И, находясь на ополченской территории, петь песню «Одна родина за столом...».

Ну и конечно – свадебный кортеж!!! Вся проблема была в том, что «монополисты» свадебных машин проживали в Александровке – поселке при Луганске, где шли ожесточенные бои. Гарантий никто не давал. Поэтому до последнего дня никто не знал: будут ли машины или хотя бы машина?

А в свадебный кортеж нужно было пригласить гостей. Это еще интересней. Планировали небольшое гуляние человек на 30. Близкие и родственники с разных мест Украины, России, Грузии. Все давали

согласие на приезд на свадьбу и убеждали, чтобы им заказывали места в ресторане. Но за неделю до радостного события в жизни девочки Сказки и Бина начали отказываться гости в такой последовательности: Москва (не пустят 25-летнего брата в зону АТО); Киев (проблемы с поездами и стрельбой в Дебальцево); Днепропетровск (мама после информационных передач не пускает); Антрацит (ополченцы отбирают у водителей дорогие машины); Лисичанск (боятся ехать с малыми детьми по Бахмутскому пути); Харьков (с поездов в направлении в зону АТО высаживают молодых парней и отправляют воевать в украинской армии); Северодонецк (уже город отбомбили и люди были напуганы); Батуми (просто страшно).

Одним словом – стало еще веселей от безысходности. Но не на долго. Решили не отменять торжество.

А теперь немного о переводчице. За неделю до свадьбы начался плотный обстрел аэропорта. Поэтому в первую очередь пострадали близлежащие элитные поселки. Наша профессиональная переводчица Елена жила в одном из этих поселков. Но последние сутки не жила, а существовала в подвальном помещении, прячась от «градовских» обстрелов. Поэтому смелый мобильный звонок из подвала о том, что она не сможет приехать, всех

ошеломил. Сказка же думала о свадьбе. На что ей ответила Елена-переводчица: «Какая свадьба? На улице война!!!!» Но немного остыв, решила найти себе замену. Весьма безрезультатно. Все китайцы уехали из Луганска. Остался только Бин. Тот смелый китайский парень, на лице которого было уже недоумение и безысходность. Что же делать?

Еще работал интернет – простим ему весь мусор и словесный бред – но он спас будущую семью. Ситуацию выровняла молодежная социальная сеть «Контакт». Оказывается, в городе еще теплилась жизнь выпускников специальности «китайский язык». Первую девушку звали Екатерина. В этот день на Инженерной в их дом попал снаряд и погубил люди. Многие семьи были на грани срыва от боли, гнева, потерь. Катя не стала исключением. Она категорически отказалась выходить из квартиры ближайшее время и помочь в регистрации брака. Дальше были Юлия, Вадим, Елена – все боялись за свою жизнь и думали, что все разрешится ближайшие дни. А может недели. Осталась Алена. Она не говорила по-китайски, хотя имела соответствующий диплом специалиста. Ее мама потеряла работу на неопределенное время, поэтому при некоторых условиях Алена согласилась. Все были безмерно счастливы, что свадьба должна-таки состояться.

Да, мы забыли о наведении красоты всеми членами свадебной церемонии и, в первую очередь, невесты. Мужчинам покажется смешным, но это факт. Парикмахерские закрылись, салоны красоты не работали, мастера маникюра после первых выстрелов выехали из города. Но нашлась смелая мастер свадебного маникюра в салоне, находящемся в старом центре города. В нем отлично были слышны залпы орудий на поселке Metallist под Счастьем или перед Счастьем (город такой есть). Кроме того, салон находился в доме, в котором год назад произошел взрыв газовой трубы. Поэтому им не привыкать. Свадебный маникюр сделали на славу, маме – не успели, уж слишком стреляли. Всем становилось жутко. Рядом с салоном несколько дней назад взорвали на проезжей части легковую машину, вроде диверсантов - минометчиков, которые обстреливали дома, остановки, маршрутные такси и прочие места пребывания луганчан. Поэтому эта груда металла «красовалась» на самом людном месте проезжей части.

Парикмахера звали Яна. Она была волонтером и с утра помогала вывозить детей из-под обстрелов, поэтому, имея доброе сердце, согласилась сделать свадебную прическу невесте и гостям.

Удивительно, но девочка Сказка умудрялась найти в городе всякие свадебные штучки, напри-

мер: воздушные шарик, праздничные плакаты, сюрпризы для гостей, свечи, веера и прочее. По Оборонной был расположен такой магазинчик, в котором продавец несколько раз на день бегал через дорогу в аптеку и покупал успокаивающие настойки, потому что стрельба по центральной улице средь бела дня не прекращалась, а даже учащалась. И никто не знал, кто станет следующей жертвой. Поэтому при входе объявление: Буду через 10 минут – не снималось. Подходя к магазинчику, все покупатели или ротоzeи, а может напуганные луганчане, не могли определить по содержанию объявления, когда именно вернется продавец. Поэтому торговли не было. Но девочка Сказка стала счастливой обладательницей многих вещей этого странно-го магазинчика с еще более странным, вечно пьющим успокоительные настойки и жалующимся на сердечные боли продавцом. Хотя ничего странного в том, что целый рабочий день прислушиваешься к открывающимся дверям или к выстрелам на улице.

И вот за день до свадьбы начинается массированный обстрел из аэропорта в район военкомата. Не знаящим Луганск объясню: военкомат расположен практически по центральной части города, поэтому летящие из аэропорта украинские снаряды поражали дома, офисы, остановки, онкодиспансер и автовокзал. Какое это имеет отношение к свадь-

бе? Ресторан был расположен по центральной улице между аэропортом и военкоматом, а дом Сказки за автовокзалом (тоже рядом с военкоматом). Молодожены решили прозондировать почву в ресторане и проверить выполнение заказа и наличия на месте самого ресторана.

Хозяин ресторана восседал на втором этаже и либо охранял своим телом помещение от взрывов, либо хотел быть первым свидетелем очередных разрушений в центре города, либо хотел видеть, что он не один остался в этом безумном городе. Его важный вид успокоил жениха и невесту. Но гарантий, что не будут обстреливать ресторан в день свадьбы никто не давал. Повара мирно выполняли свою работу: готовили заливное, мясные рулеты, рыбные деликатесы, а директор разводил руками и не знал, что делать. Была выбрана альтернатива: если в день свадьбы начнется артобстрел, то обслуживающий персонал привезет созданные кулинарные шедевры домой в уютную хрущевскую квартирку, где не развернешься и не разгуляешься.

Интересная история с 5-килограммовым трехъярусным свадебным тортом. Его тоже отказались вести в связи с нестабильной обстановкой в городе. Пришлось на заднем сидении такси под названием «Москвич» транспортировать произведение искусства пекарей с восседающими вверху двумя лебе-

дями, которые к самой церемонии вели себя уже не так величественно.

С такси вообще «запара»: «олигархи» таксистского бизнеса дали приказ покинуть город и переместить машины в сторону Мариуполя – курортную зону (знали бы они, что там будет через месяц), поэтому работали любители-азербайджанцы, пенсионеры и прочие дядечки-водители на дешевеньких машинках. Диспетчеры оставшихся такси не давали гарантии по доставке машины по месту вызова за несколько часов, вызов был действителен только на ближайшие 10 – 15 минут и при условии, если по месту вызова последний час не было обстрела.

Фотографа и видеографа нашли быстро и без проблем. Им, как творческим и экстремальным людям, было чем заняться в городе. Хотя видеограф уехал из города 13 июля, а фотограф в силу своего молодого возраста продержался до начала сентября.

Свадебная церемония была назначена на 12 июля. Уже наступил вечер 11 июля. Все смелые участники свадебной церемонии боялись думать о завтрашнем дне. Ночь обещала быть «спокойной» по многим причинам. Первая: никто не знал о том, будет ли мирная жизнь 12 июля в центре города; второе – будут ли ходить такси; останется ли цел ресторан и смогут ли все добраться до него или в него и т.д.

Утро началось с того, что опоздала парикмахер Яна: она передвигалась на своей женской машинке и была зажата по трассе двумя БТР-ами, которые вовсе не собирались ее пропускать вперед. Таки смелая волонтерка-парикмахер вырвалась из плена и добралась с опозданием на целый час.

Фееричный артиллерийский обстрел «укров» (так их стали называть в зоне АТО) с аэропорта все присутствующие гости оценили как поздравительный и старались не омрачать этот важный день. Прибыли гости из числа героев – близкая подруга мамы, еще одна подруга мамы, бабушка, дедушка, другие перемещались сразу в сторону загса – переводчица на предоставленном такси (для начала его нужно было найти – нашли), подруга мамы, еще одна подруга мамы. В общей сложности ожидали 11 человек вместо 30.

После прибытия парикмахера нужно было быстро вымыть голову всем очаровательным гостям, поскольку вода в зоне АТО уже на тот момент становилась редкостью в кранах домов (то ли еще будет со 2 августа). Почти успели все. «Причехи» (по-другому их не назовешь) готовы.

Вторым весьма важным фактом стало ожидание свадебной машины – будет или не будет, выедет или не выедет? Для «поддержания свадебных штанов» и поиска машины жениха отправили с

мужской половиной – папой и дедушкой невесты. Сначала забрать свадебный букет для невесты – сделают или не сделают? – а потом найти машину, стоящую по центральной улице города.

Третий важный факт – доедем или не доедем до загса? Свадебная машина на месте, осталось вызвать такси для прибывших гостей. Слегка нестабильная мобильная связь и неуверенная деятельность диспетчеров такси – и все уже готовы ехать. Вперед!

Это было что-то!!! По центральной части города стоящие и идущие луганчане выражали радость и делили рождающееся семейное счастье: махали руками, радостно кричали, сигналили – и все понимали, что от чувства тревоги отвыкли радоваться. Представьте картину: по Оборонной все машины сигналият! Всем в свадебном картеже было приятно и весело. И это невозможно передать словами, это можно выразить эмоциями: вау!!!класс! здорово!!!восхитительно!

Этот день был сказочным, несмотря на выстрелы и летающие через ресторан снаряды.

Потом было венчание в Храме «Умиления», после – волшебная ночь в отеле «Славянский» в подвальном помещении вместе с представителями ОБСЕ, потом Киевский поезд, вместивший сразу пассажиров двух поездов в одном направлении,

ужасно-панические уезжающие луганчане на вокзале – приступы эпилепсии у отправляющихся прямо на улице, бегающие с инвалидными палочками пожилые женщины, кричащие молодые мамочки и ищущие своих мужей, отсутствие мобильной связи среди пассажиров, жуткая жара и удручающие взгляды тех, кто остается в городе либо навсегда, либо надеясь когда-то выехать. А через неделю пассажирские поезда прекратят следования в любых направлениях...

Девочка Сказка и парень Бин навсегда запомнили свои свадебные приключения. Будем надеяться, что они укрепят их отношения и происходившее в жизни научит ценить каждый миг и не разменивание на мелочи. А еще крепче их брак стал уже в Китае, когда Сказка плакала целых полтора месяца, каждый раз садясь за обеденный стол, за своими близкими и представляя, что они не видят хлеба и умирают с голода. Но все обошлось – они остались живы, несмотря на страшные минометные обстрелы в городе и днем, и ночью. А еще они не узнают о том, как мама и папа прятались ночью от минометных обстрелов, жили по несколько дней без хлеба, стояли в очереди за продуктами, носили водные баллоны под обстрелами... Не дай Бог такое пережить. Спаси Господи всех от войны.

АЛЕКСАНДРА

Во мне еще одно сердце...

Лето – пора отпусков, веселья, моря, пляжей. Пора, когда сердце начинает биться чаще, когда кажется, что можешь покорить весь мир и все проблемы уходят на второй план. НО, к сожалению, это лето было немного иным....

Все начиналось как обычно: студенты сдавали сессию, школьники наслаждались последним звонком и строили планы на летние каникулы. Я заканчивала четвертый курс университета, готовилась к экзаменам и к самому важному событию в жизни каждой женщины... В конце лета я должна была выти замуж и стать мамой... Но этот радостный период моей жизни омрачил один «маленький» нюанс... Началась война.

Война... Слово, которое впитало в себя горечь, боль и слезы тысячи людей разных поколений. Мой дедушка, ветеран ВОВ, летчик, командир эскадрильи, каждое 9 мая рассказывал истории, связанные с Великой Отечественной, вспоминал друзей.... И плакал, плакал так горько, что его долго нельзя было успокоить. И каждый раз я благодарила Бога и людей, погибших ради того, чтобы жили мы, что я этого никогда не увижу. Как же я ошибалась...

2 июня – день в истории, который навсегда стер улыбку с лица нашего замечательного, такого приветливого и родного Луганска. Именно этот день стал точкой отчета... Меридианом, от которого начали отсчитывать не дни и недели, а человеческие жизни. Ни разу за свою жизнь я не видела столько репортажей на Первом канале, посвященных нашей маленькой Родине. Но как оказалось – это было только начало...

Наш папа решил, что в таких условиях глупо играть свадьбу – он не может взять на себя ответственность за новую семью. Впопыхах заявив, что это не его война, уехал в Питер. А мы с моей еще не рожденной дочкой, остались...

3 августа. Именно с этого дня начались обстрелы города, которые забрали жизни тысячи людей, просто вышедших по хлеб и воду. День, когда началась борьба за выживание. В этот день я поняла, что обязана выжить, ведь во мне билось еще одно сердце. Во мне жил маленький человек, который должен увидеть солнце и улыбнуться своей маме, даря надежду на лучшее, на счастливое будущее... Будущее, которое обязательно будет!

Было страшно... Коридор стал самым посещаемым местом в нашей квартире. Было ощущение, что это не закончится никогда. Свисты, взрывы,

залпы – вот мелодии моего лета. Прогулки возле подъезда – вот мои развлечения. Одна из таких прогулок чуть не закончилась трагедией.

В один несравненно тихий день мы с мамой и соседями (к слову сказать, с которыми сдружились за время войны) вышли на, так называемую, прогулку. Через минут 10 мы услышали сильный грохот. Первой мыслью было: «Вот и все... Конец». Я забежала в подъезд, прикоснулась к животу. Ребенок пинался так сильно, что только благодаря этому я поняла, что мы еще живы. Это просто военные решили послать маленький «привет» своим товарищам с помощью «Града». После этого я не выходила на улицу вообще. Страх, одолевающий меня, не давал даже выйти на балкон, просто выглянуть в окно... Оставшиеся три недели я просидела дома, молясь за маму, которая вышла за продуктами; за друзей, о которых не знала ничего, так как не было связи; за своего малыша, которому приходилось терпеть это сумасшествие...

31 августа – самый главный день в моей жизни. В этот день мой карапуз решил появиться на свет. В роддом меня провожали всем домом. В скорой помощи я проговаривала только одну фразу: «Ребята, дайте только доехать... Дайте хотя бы десять минут и можете продолжать свои «игры».

Все обошлось... Мы доехали и в 13.32 на свет появилась маленькая девочка... Моя дочь – Александра. Как только она закричала, я загадала желание: «Чтобы все закончилось». И вы не поверите, как только нас выписали, обстрелы начали стихать. 16 сентября дали свет. И мы с мамой, как маленькие, расплакались от счастья. Появилась связь и я, наконец, услышала такие родные голоса, которые были пропитаны любовью, нежностью и верой в лучшее. Верой, что мы еще не только поговорим, но и обнимемся и поплачем друг другу в жилетку. Единственный вопрос, который остался без ответа: «Как вам там живется, наши «киевские защитники»?

Все изменилось, благодаря этой войне: взгляды на жизнь, ценности, судьбы. Каждый раз, просыпаясь, я радуюсь новому дню, радуюсь тому, что все близкие люди, где бы они не находились, имеют возможность сказать мне: «Доброе утро!». У меня подрастает дочь, заставляет меня улыбаться и больше не думать об ужасах войны...

ВЕРА

Так мы проводили отца...

«Умер отец», – сказала растерянная свекровь, появившись утром на нашем пороге в домашнем халате и тапочках. Спасибо парню, проезжающему мимо родительского дома, который остановил машину, увидев женщину с палочкой в отчаянии вышедшую на дорогу, не зная, как сообщить детям о смерти отца. Связи нет, транспорт не ходит, а она с больными ногами дальше двора никуда не дойдет. Муж Дмитрий быстро собирается, они уезжают.

Умер отец, запланировав на завтра кучу дел, просто заснул и утром не проснулся. Жуткие слова провалились в вату сознания. Я в растерянности брожу по дому. Через какое-то время до меня доходит смысл сказанных слов. Зажигаю свечу и провожаю человека в последний путь «Песнями Царя Давида».

Возвращается взмыленный муж, который полгорода обходил пешком, хотя часть пути помогла сократить проезжающая мимо скорая. В милиции выдали справку и развели руками: «Дальше сами». Ситуация меняется каждый день: сегодня похоронное бюро работает, а завтра катафалк с процессией расстреляли – и хоронить больше некому.

Наличие велосипедов облегчает жизнь: я еду в ближайшую больницу, а Дмитрий за помощью к Григорию. Подъезжаю к 9-й больнице и вижу, как выбегает главный врач «скорой» Наталья Ивановна. Участливо взглянув на меня, она подробно рассказывает мне, куда нужно подойти и что сделать в нашей ситуации, не смотря на рычащую мотором машину «скорой», готовую вновь прочесывать разбитые улицы.

С пяти утра – быстрые сборы. Муж с Григорием едут в морг, я, заехав в храм и заказав все необходимые службы, направляюсь к свекрови, чтобы помочь обмыть и переодеть отца. Зайдя во двор, обнаруживаю ее сидящей на лавочке, потерянную и печальную. Поднявшись в квартиру, начинаем приготовления. Не успели мы закончить, как в черном проеме открытой двери возник бледный образ с темными впалыми глазами.

– Морг, – тихо произнес образ, – где покойник? Документы.

– Разве они не у вас?

Муж еще утром отвез их в 1-й городской морг, но еще не успел вернуться. Водитель катафалка немало прояснил ситуацию, рассказав, что каждое утро ему выдают адреса, по которым нужно забрать умерших, а сведения могут поступать как из милиции и больницы, так и от обычных граждан. На

данный момент ситуация в городе сложилась таким образом, что их машина единственная и нет гарантии возвращения сегодня по этому адресу. Но выход есть всегда: пишу записку с паспортными данными покойного. Выносить тело некому (свекровь с палочкой и мои полтора метра роста). В поисках помощи выходим на улицу. Нам повезло: случайные прохожие (мужчина средних лет и молодой парень) аккуратно снесли на белой простыне безжизненное тело свекра...

Проводив машину, в которой было еще трое умерших, не считая отца, поднимаемся в опустевшую комнату. Складываю в пакет вещи свекра: костюм, белую рубашку... Мы так и не успели его переодеть.

– Похоронное агентство «Кронос», где покойник? – прозвучал громкий голос в прихожей.

– Его уже забрали. Знал бы Николай Владимирович, какой популярностью он сегодня пользуется, – с грустью подумала я.

– Кто? – в изумлении спросил собеседник.

– 1-й морг, – я вкратце описала утренние события.

– Пиши мужу записку, что поехала хоронить отца! У нас еще куча вызовов, ждать некогда. Да и тихо пока...

– А как же я? – упавшим голосом отозвалась свекровь.

– Берем только одного, больше людей – больше жертв. Да и если начнется обстрел, она пошустрее будет.

Хватаю пакет с вещами и забираюсь в высокую кабину катафалка.

По дороге в морг в кабину врывается оглушающей пустотой город с черными дырами выбитых окон, зияющими провалами стен, разбитыми автобусными остановками, искореженными рекламными щитами и серпантинном свисающих оборванных проводов. По обочинам дороги, ведущей в направлении аэропорта, вырыты окопы. На Острой Могиле отец Петр долго, по бревнышку собирал деревянный храм, а теперь часть бревен, еще не успевших лечь на стены, использованы для строительства блиндажей. Человеческая жизнь дороже... А храм мы отстроим, не потерять бы веру...

Заезжаем на территорию 1-й больницы. Начинаю беспокоиться: ни документов, ни справок на руках нет. Единственное, что знаю, муж оплатил «Кроносу» все необходимое. Заметив мое беспокойство, ребята оставили меня у машины, сказав, что все сделают сами. Ожидая результата, стала свидетелем трогательной сцены: прохожий мужчина долго и горячо жмет руки ребятам из «Кроноса». Водитель объяснил, что на днях его мать хоронили, и показал дыру в капоте, заклеенную цветным скотчем.

В это время из дверей морга вынесли гроб, в котором лежал торжественно одетый Николай Владимирович... Но времени на сантименты нет – мы покидаем это тяжелое место, наполненное запахом тлена. Я была благодарна работникам морга: не смотря на загруженность и жуткие условия (в отсутствии воды и света), они сделали все так, как я планировала сделать сама.

В пути меня инструктируют, как действовать в случае обстрела: «Если начнут стрелять на кладбище, сразу прыгай в могилу. Не бойся. Лучше достать живого из могилы, чем положить рядом с привезенным». Я пытаюсь сказать, что все родственники мужа похоронены на Косиора, но в ответ: «На Газопровод. Там сегодня спокойнее».

Всю дорогу ехала, прижав маленькую бумажную иконку Богородицы... Мысленно сокрушаюсь, что так до конца и не выучила молитву «Живый в помощи...». Переворачиваю иконку, а она напечатана на обратной стороне. Весь оставшийся путь читаю. Доезжаем спокойно.

Возле кладбища пропускаем выезжающий катафалк похоронного агентства «Хорон». Мои сопровождающие шутят: «Если здесь «Хорон», гарантируем – обстрела не будет!». Иду заплатить за копку могилы, выясняется, что у меня не хва-

тает 300 гривен. Работник махнул рукой. Пошли выбирать...

Горячее солнце заливает выжженую степь. Старое кладбище прячется в тени небольшой посадки. Новое, уже достаточно большое, раскинулось вдоль грунтовой дороги. Почти все могилы свежие, даже не этого года, а нескольких последних месяцев. Открытое место, немного на возвышенности. Город прячется за зеленью деревьев, а с другой стороны – голубые дали. Мне нравится это место, я думаю, отцу бы оно тоже понравилось. Он долгое время провел в экспедиции геологоразведки в приполярном Урале и много об этом рассказывал. Это конечно не север, но все лучше городского кладбища на Косиора.

Выбрав уже готовую яму, интересуюсь: можно ли оставить место для второй могилы. Меня успокаивают – отводят место сразу для двух могил. Как только гроб был снят с машины, все копальщики, а их было немало, оставили свою работу. Кто-то курил, опершись на лопату, кто-то присел на глинистые отвалы просто передохнуть. Может, это было совпадение, но мне показалось, что это – дань уважения чужому горю.

Стоя на краю могилы, меня не покидало ощущение, что свекр стоит рядом и наблюдает, как комя сухой глины, ударяя по крышке гроба, погребает

ют порядком утомленное болезнями тело. Мне даже кажется, что он бы пошутил над происходящим...

Вся природа будто говорит: «Покойся с миром». Отсутствие похоронной процессии, рыданий над гробом, суеты черных траурных одежд и лент на пластиковых венках, сделали этот переход не проводами в последний путь, концом, точкой, а рождением в новую жизнь. Природа приняла тело и отпустила душу, свободную от забот и условностей этого мира.

Домой вернулись быстро. Во дворе дома на лавочке, в окружении оставшихся соседей, сидела осиротевшая свекровь. Подждал меня и печальный муж, только приехавший с прикрученным к раме велосипеда собственноручно выструганным для отца надгробным крестом. В «Кроносе» кресты закончились по причине «наплыва клиентов»...

Стоял жаркий полдень, но было тихо. Нас, привыкших к канонаде и минометным обстрелам, полдня тишины уже настораживали. Обряд погребения совершил молодой священник, снимающий квартиру на первом этаже отцовского дома, а его жена испекла хлеб и приготовила поминальный обед, на который у нас уже не было ни сил, ни времени. Так мы проводили отца... Но он навсегда остался для нас живым. Веселым и добрым, любящим и любимым отцом...

ОЛЬГА

А я уже вдова...

Мне 29 лет – а я уже вдова... Моя история очень печальна и для меня страшно болезненна. Смерть любимого вновь пробуждает чувство, которое возникло у нас, когда мы впервые переживали разлуку и утрату.

Я не зря начала с такого высказывания. Всё началось в мае 2014 года, когда люди, живущие в городе Луганске, поняли, что их пришли убивать. Моя семья не исключение. Мой муж запаниковал, потому что очень боялся потерять меня и нашего сына. 22 июня я и сын уезжаем в Крым, спасаясь от бомбёжек, муж остаётся дома, обещая уладить дела и приехать к нам через пару дней. Я и сын благополучно добираемся до Крыма, но никак не можем отойти от страха выстрелов и воя сирен.

Проходит неделя, потихоньку страх отступает, и мы успокаиваемся. Ждём, когда придет наш папа, но разговаривая с мужем очередной раз по телефону, я узнаю, что мой муж и отец моего ребёнка ушел в ополчение защищать свою родную землю. У меня начинается паника, я не знаю, что делать: начинаю то угрожать ему, что немедленно к нему еду, то умолять, чтобы он приехал к нам. Меня переполняет чувство страха...

Этот период ожидания и страха за близких мне людей был невыносим. Ведь у меня не только муж, но и родители остались там. Каждое утро я звонила домой и судорожно ждала, чтобы они ответили, что с ними всё хорошо, они живы и здоровы. Шла третья неделя моего пребывания в Крыму. Муж всё реже выходил на связь – я не находила себе места, все думала, как же его вытащить от туда. В то же время я понимала, что если он так решил, его ничто и никто не сможет остановить. Связи практически не было.

11 июля я встала пораньше, чудом дозвонилась родителям, у них всё было в порядке. С мужем связаться так и не смогла, целый день ждала от него звонка. 15.00. Раздался долгожданный звонок, но звонили с неизвестного номера, я подняла трубку – это был он, сказал, что всё в порядке, что скоро перезвонит, чтобы я не переживала. Я немного успокоилась, мы с сыном пошли к морю. Когда вечером пришли домой, я снова распереживалась, снова звонила мужу, но связи с ним так и не было... Как ни странно, я хорошо спала этой ночью, надеясь на то, что завтра он мне обязательно позвонит. Утром связи с ним так и не было. Тогда я позвонила своим родителям. Мама взяла трубку – и первое, что я услышала: «Ой доченька...» Я сразу же всё поняла, а дальше – всё как в тумане...

Я не могла больше находиться в том месте, где застала меня эта страшная новость. Решаю ехать в Одессу, пытаюсь как-то отвлечься, ищу работу. Но все бесполезно... Последним поездом к нам приезжают мои родители, мы снова вместе.

Уже середина августа. Как говорят, «в гостях хорошо, а дома лучше». Да, дома лучше, но дома война... Решаем потихоньку перебираться ближе к дому. Все это время мы непрерывно следили за новостями в ожидании, что война закончится. И вот объявляют о перемирии. Все, мы едем домой. Да, домой, да, дождались!

Меня одновременно переполняет чувство радости и страха – я не смогла попасть на похороны мужа. Приеду домой – а его уже нет... Я не верила в это и не понимала. Домой пришлось возвращаться через Российскую Федерацию. И вот я понимаю, что я уже подъезжаю домой, уже очень близко. Было примерно 20.00. Доезжаем до дома, родители выходят из машины, а я, не найдя себе места, сажусь за руль и еду на кладбище...

Переночевав у родителей, рано утром, я еду к себе. И вот мой дом. Дом, который я оставила на три бесконечных месяца. В нем всё как прежде: та же мебель, те же стены, но пустота... Там нет ЕГО и больше никогда не будет...

ЮЛИЯ

Жизнь все расставит на свои места...

Это история не о том, как война ломает жизни, и не о том, как сильно пострадали родные и близкие, и даже не о том, как «они нашли друг друга под взрывы бомб», а просто о том, как жизнь и страшные события расставляют все на свои места. И не важно, если ты думаешь, что проживешь счастливую долгую жизнь с одним-единственным, таким родным человеком. Война покажет, КТО ЧЕГО СТОИТ. И действительно, в моей жизни все так и случилось.

Я покинула Луганск в начале июня, как раз на свой день рождения. На этом настояли мои родители и парень, который в феврале сделал мне предложение. До последнего я отмахивалась, говорила, что все хорошо, военных на улицах не так уж много и взрывы не слышны. Но все же родные победили. Я была рада увидеть родителей, больше времени проводить с любимым, но все же что-то постоянно не давало мне покоя...

Сидя дома и помогая по хозяйству, я постоянно звонила друзьям, которые остались в городе. «Как вы там? Сильно бахкает? Есть какие-то новости?» — эти вопросы стали обычными при разговоре по телефону с дорогими людьми, которые остались в окруженном Луганске. Хоть и страшно было, а сердце рвалось туда, где раздавались взрывы, но я

осталась на малой родине. Таким образом, мое «пересиживание» затянулось на целых три месяца!

Казалось бы, должна радоваться: нахожусь дома, рядом с родителями, вдалеке от взрывов и опасности. А душа не на месте! Как же хотелось поехать в действительно родной город – Луганск, хоть чем-то помочь людям, которые остались защищать родные стены. Но жаль родителей – будут переживать, волноваться, а им и так досталось от жизни. Но это совсем другая история.

На то время мама моего молодого человека уже год болела раком, но никто из врачей не мог указать очаг болезни. Поэтому 31 июня мой жених (назовем его условно А.), как любящий сын, поспешил вывезти мать из возможной зоны боевых действий в Белгородскую область. Я хотела через неделю поехать следом за своей половинкой, чтобы преодолеть все это вместе, но узнав, что там меня заставят взять статус беженца, немного приостановила процесс переезда. Во-первых, я не могла бросить на целых три года своих родителей. А во-вторых, не могла оставить позади близких друзей, которые остались под минометными обстрелами, и воинственный Луганск.

Если бы я знала тогда, чего мне это будет стоить! А. обвинил меня в предательстве, в том, что я думаю только о себе. Постоянные обвинения, недоверие со стороны любимого, ежедневные «псевдоновости» на укра-

инских каналах и самобичевание за два месяца довели меня до того, что я практически перестала есть, плохо спала и была готова на все, лишь бы покинуть Украину и жить вместе со своим таким предусмотрительным мужчиной. «А ведь он мне говорил, что так будет... он предупреждал... Это я, глупая, ничего не могу просчитать, обдумать». А я всего лишь слушала сердце...

И так, первого сентября я отправилась в Белгородскую область, на «вражескую» территорию, дабы морально и всеми силами поддержать любимого. Не буду описывать всего, что пришлось мне пережить за последующие полтора месяца. Скажу лишь одно: так тяжело и больно мне еще не было никогда. Я слышала про рак, но не думала, что мне придется с ним столкнуться лицом к лицу. То чувство, когда каждую секунду нужно быть готовым, что человек умрет.

Полтора месяца мама А. умирала у меня на руках. Готовка, купание, умывание, укол, поддержка, прием пищи, таблетка, снова укол... Дальше было хуже: галлюцинации, бессонные ночи, стоны, хоспис и запах гниющей плоти, который преследует тебя, куда бы ты не пошел. За это время мама парня стала мне родной, близкой, но свекровью она мне так и не стала...

8 октября, 9 часов утра – мне позвонила мама и сообщила, что ночью умер дедушка. «В обед похороны», – слышу я на втором конце трубки и интуитивно ощущаю, как медленно сползаю на пол по стеночке.

10 октября, 11 часов ночи – я немного задремала, но резко проснулась и увидела, что мама открыла глаза (она их уже дня 4 не открывала). Чутье подсказало: «Ну вот и все». Целый час я с ней говорила и успокаивала, слушая ее прерывистое дыхание. Взгляд в никуда и лишь одна слеза от бессилия и страха. «Не бойтесь, я рядом, я здесь», – повторяла я, пока сердце ее не остановилось. «23.50», – медсестра констатировала время смерти...

А потом все просто начало рушиться. Боль, ложь, предательство, спиртное, антидепрессанты... И, в конце концов, все оказались на своих местах: парень, как и собирался, остался в России, а я, как и собиралась, вернулась в родной город Луганск защищать родные стены университета.

За это время многое изменилось: человеческие ценности сменили свою полярность, стремления изменили свой вектор, приоритеты были пересмотрены. За это время я тоже изменилась: трудности не сломали меня, а наоборот сделали сильнее. Теперь я точно знаю, что нахожусь на своем месте и не сдвинусь с места до тех пор, пока мой родной город и родной университет не восстанут, как феникс из пепла! Я уверена, что именно сейчас через беды и испытания жизнь расставляет всех на свои места, ведь у каждого из нас своя роль, предначертанная судьбой. И как бы тяжело не было, мы справимся и победим, как тогда, в далеком 45-м!

ВИКТОРИЯ

Мы жили в Новосветловке...

Война... Сколько боли в этом слове. Раньше я и предположить не могла, что нас застанет такое жестокое время. Еще год назад все было хорошо: я беззаботно жила, училась, помогала родителям, няньчила младшую сестру... И вот настал июнь. В Станице грохотали танки и БТРы, все громче и громче были слышны выстрелы из тяжелого оружия... Отец успокаивал: «Это очень далеко, дочка, у нас все будет хорошо!». Мы жили в Новосветловке...

Но однажды ночью мы с мамой и сестренкой ужаснулись... Это было что-то очень страшное, окна дрожали от взрывов. Было 11 часов ночи... Нам позвонил папа, в телефоне были слышны звуки сирены – в Луганске началась массовая паника... На следующий день мы с сестрой сидели дома, забежала мама вся в слезах со словами: «В папину работу попал снаряд, он бежит домой». Еще за месяц до этого мы решили собрать все самое необходимое, как будто чувствовали беду... Спустя час в дом забежал отец, в дрожащих руках он держал осколок от снаряда. В этот день мы уже не успели уехать. На следующий день, 7 июля, в час дня папа отвез нас с мамой и сестрой в Луганск.

Я не смогу передать то чувство, которое испытала, когда брала свои вещи, проходила по своим комнатам, запоминая запах своего родного дома... Мы уехали. Выезжая из поселка, я запоминала каждый его уголок, тогда еще целые дома и улицы, церковь с еще ярко-золотым куполом. Мы ждали прибытия автобуса в направлении Луганск-Новопсков, чтобы уехать к родственникам. Автобус прибыл... Толпа людей бросилась заносить сумки. Водитель приказал выходить посторонним людям – автобус отправляется... Папа прикоснулся рукой к окну и прошептал: «Все будет хорошо, через неделю я вас заберу...» Все 6 часов езды я плакала, не могла смириться с мыслью о том, что нас скоро настигнет война...

Приехав к родственникам, я все еще мысленно была дома, каждый день мы созванивались с папой и дедушкой. До 4 августа. В этот день по всему поселку выключили свет и резко пропала связь. Больше двух недель у нас не было никаких вестей об отце. В Новосветловке во время войны оставалось не более 200 человек... Все остальные разъехались. Я не находила себе места.

Спустя две недели раздался звонок на стационарный телефон. Это звонил папа... Было слышно лишь обрывки слов, но мы услышали четко: «К нам

ворвалась национальная гвардия, в поселке идут жестокие бои...» Я не знала что делать, не могла понять происходящего и винила себя в том, что не уговорила папу поехать с нами.

Навсегда я запомнила и 13 августа. Каждый вечер по новостям показывали въезд в мой поселок: вместо таблички «Новосветловка», висела надпись «Зона». Показывали трупы заживо закопанных людей, заживо сгоревших детей, тела которых были присыпаны землей... Я ужаснулась от увиденного, не могла поверить, что это произошло именно у нас... Все больше и больше информации я узнавала из социальных сетей, смотрела множество фотографий и комментариев.

28 августа мне позвонила подруга и сказала: «Твой папочка жив, он пытается выехать из Новосветловки». Мы с мамой с нетерпением ждали его приезда, и вот настал этот долгожданный момент: хромая, зашел папа, ноги его были опухшие, от того, что быстро запрыгивал в подвал. Мы набросились на него. Наши разговоры длились всю ночь, он рассказывал всю страшную правду и постоянно повторял: «Поселка больше нет».

Я много раз прослушивала записи с папиного телефона, где были записаны взрывы града и другого оружия, но я по-прежнему не хотела верить,

что моего поселка больше нет... В Новосветловке около 200 домов сгорели и были задеты снарядами, еще столько же полностью уничтожено. Больше месяца мы вынуждены были жить в Старобельске, а 23 сентября поехали домой.

Дорога домой длилась больше 5 часов. Мы въехали в какое-то до боли знакомое место, я спросила у папы: «А где мы сейчас?». Папа долгое время молчал, а потом сказал: «Мы уже дома». У меня в душе что-то оборвалось: около 8 домов было полностью уничтожено, купол церкви уже не такой как раньше, он был совсем чёрным; наша летняя танцевальная площадка была разрушена... Я увидела свой родной Дом культуры, в котором занималась 10 лет. Он был весь черный. По моим щекам котились слёзы. Самый волнующий момент – я подъезжаю к дому, где мои родные стены, всё такое незаменимое. Но меня встретили одни руины... Я не верила своим глазам!

Спустя неделю мой день рождения. Папа решил провести меня в ДК. Сложно передать состояние души, когда в танцевальном зале я увидела наши недогоревшие костюмы. Мне очень больно было осознавать, что этого больше не будет, не будет танцев, не будет шума и радостных встреч с друзьями перед репетицией, не бу-

дет праздничных концертов, не будет прошлой жизни...

В день приезда, я решила обойти весь поселок со своей младшей сестрой. Она всю дорогу молчала, но когда мы подошли к разбитому садику, Лера заплакала и сказала: «А где же я буду играть с детками? Дяди же всё разбомбили?». У меня внутри всё перевернулось. Казалось бы, что 3-летний ребенок может понимать?! Она понимает многое и переживает это по-своему.

После возвращения домой я многое переосмыслила, по-настоящему научилась ценить ВСЕ: нежные объятия мамы, веселый смех детей, играющих во дворе, улыбку соседки, яркое солнце, цветы в поле и жизнь. Я надеюсь и верю, что все мы обязательно вернемся к прошлой мирной жизни, восстановим свой сожженный поселок и будем жить еще ЛУЧШЕ!!!...

ВЕРА

Мамина тень

Первую ночь за долгое время хорошо спала. Последние месяцы были наполнены рваными тяжелыми сновидениями: преследовали лабиринты темных улиц, грязные мрачные коридоры с хлюпающей под ногами водой (как в фильмах Тарковского), комнаты с плотно задернутыми шторами. А сегодня я впервые подошла к окну, одернула шторку и передо мной открылся вид на залитый солнцем пляж с зелеными пальмами, синим небом, морем с легким бризом и белым-белым песком. Проснувшись с уверенностью, что это не просто сон, а сигнал о переломе событий в лучшую сторону.

Вот уже почти месяц, как я ничего не знаю о маме. Мы здесь – а она в Красном Луче и нет никакой связи... Думаю о ней, просыпаясь и засыпая. Как прожила она эту ночь, этот день?

Утро солнечное, но холодное. Встречая новый день, как обычно думаю о маме. Уже почти полтора месяца мы ничего друг о друге не знаем. Лишь утреннее и вечернее правило служит нашей духовной связью. Но сегодня необычное чувство радостного волнения не покидает меня и на воскресной службе. Пока идет исповедь, пробираюсь

к двери сделать глоток прохладного осеннего воздуха. Меня останавливает Любовь Петровна и ведет за собой к лавке у стены. Я подошла и обмерла... Там сидит мамина тень. Худющая, изможденная, но счастливая. Весь остаток службы, крепко обнявшись, прорыдали.

По дороге домой мама сбивчиво рассказывала, как зашла в поселок украинская армия. Выбрав удобные места, установили тяжелые орудия и обстреливали Красный Луч и Антрацит. В первую очередь разбомбили все заводы, шахты, все, что могло еще работать.

В воздухе стоял такой дух злобы и ненависти, что находиться на улице, во дворе или в доме было невозможно. Мама ушла жить в подвал... От грохота орудий парализовало собаку и мама на руках снесла ее в свое убежище. Так и прожили почти месяц с двумя котами и больным псом на одной булке хлеба, испеченной ею накануне, и теми запасами, что были в подвале. В редкие часы затишья выходила на улицу, поднимая несчастного собаку подышать свежим воздухом.

Когда ополченцы погнали «освободителей», стало спокойнее. Первым пришел в себя пес, стал на ноги и принялся с особым усердием охранять двор.

Мне очень хотелось запретить маме уезжать. Но у них уже было спокойнее, территория Антрацитовского и Краснолучского районов была уже полностью под контролем ополченцев. Во дворе скважина с водой, уже отремонтировали свет. Пообщавшись всего пару часов, с рвущимся на части сердцем проводила маму на автобус.

Вечером, немного покружив, удалось сделать звонок. Всего два слова, что мама добралась домой благополучно, и я спокойна. Записывая события этого дня, думаю – не сон ли это. Слава Богу за все!

МАРИЯ

По любимой Далевской аллее...

Я могла бы написать о любимом городе Луганске, который бомбили на моих глазах, о судьбах до недавнего времени счастливых людей, которые тоже рушились на моих глазах.

Но я хочу рассказать о кресле. Да, вы не ошиблись, именно о кресле. Хочу сразу предупредить: не тратьте свое время, не читайте дальше, если война не затронула вашу душу. Вы вряд ли поймете, о чем я пишу.

Тем утром мне до безумия захотелось погулять по любимой Далевской аллее. Это были первые дни осени. То самое время, когда ласковые лучики солнца, падая на землю, согревают все вокруг, но в то же время совсем не жарко и даже ощущается легкая свежесть. Утро. Это утро, наверное, самое замечательное! Почему? Да потому, что ночью город, кажется, спал. Спал тихо, спокойно и проснулся не от выстрелов, а как-то сам по себе. Такие утренние рассветы бывали и раньше, каждый раз эта тишина являлась лишь затишьем перед новыми испытаниями. И все равно каждый раз мы надеялись и верили, что это конец войны. Больше

не будет ни обстрелов, ни авианалетов, и город наконец-то заживет привычной жизнью...

Да, война оставила свой след и на моей любимой аллейке, но от этого она стала еще дороже и милее, несмотря на свой, пока еще непрезентабельный вид.

Ветви старого высокого тополя, израненного осколками, склонялись над дорожкой, усыпанной листвой и разбитыми стеклами, расположенных по соседству училища и патронного завода. Конечно, мне было грустно смотреть на эту картину, но вдруг я увидела нечто, что заставило меня забыть обо всех мыслях и быстрее пойти вперед. Вдалеке из-за ветвей липы виднелось кованое кресло. Раньше кованую мебель я видела только в Киеве и в одном из центральных парков нашего города, но даже подумать не могла, что и на моей любимой аллее появится что-то подобное. Но откуда оно здесь? В городе приостановлены все выплаты, а тут вдруг такой подарок... Это, конечно, здорово, но сейчас не самое лучшее время для подарков. Я подошла к креслу совсем близко, и все мысли резко оборвались – я поняла, что это вовсе не кованое, а обгорелое кресло, наверное, из охранного агентства, расположенного через дорогу от аллеи... В голове какие-то немые размышления – казалось

бы, это не самая печальная картина, которую мне приходилось видеть за последнее время, и вроде бы историю этого кресла представить вовсе не сложно, но почему-то в моей памяти на фоне разбитых окон, обстрелянных заборов, разрушенных стен очень ярко запечатлелась картинка с обгорелым креслом и кучкой пепла под ним.

В конце сентября заметно похолодало – на несколько дней город охватила стихия. Ураганый ветер в придачу с дождем... Утро. На улице немного поутихло, ливень сменился мелким дождем. Обычно люди не любят такую погоду – мокро, холодно, серо, грустно... Но я вовсе не вижу поводов для грусти – это самая настоящая осень. От дождя и ветра спасет зонтик, от холода – любимое пальто, а яркий шарфик, сумочка или просто пожелтевший листик внесут краски в кажущуюся скучной на первый взгляд осеннюю палитру. По-этому для меня осенний дождик совсем не повод отказываться от прогулок. Уже недели три в нашем городе почти тихо, лишь иногда слышны автоматные очереди и одиночные выстрелы, но по сравнению с тем, что было раньше, сейчас тишина. Город заметно оживился – на улицах гораздо больше машин, кое-где даже работают светофоры, открываются магазины, обнов-

ляются товары, повсюду много людей... Я снова прогуливаюсь по своей любимой аллее. Дерево, которое задел снаряд, спилили и вывезли. Правда, на дорожках снова разбросаны ветки, но это уже скорее последствия не обстрелов, а сильного ветра. Стекол на тропинках уже гораздо меньше, чем было. Мой взгляд невольно ищет то самое кресло, которое так крепко врезалось в память. Но, увы, его здесь нет. Неужели это был плод моей измученной, утомленной фантазии? И правда: кому и зачем нужно было выносить на аллею обгоревшее кресло? Я уже почти сама себя убедила, что никакого кресла и не было, и даже фото, сделанное мною на телефон, казалось мне выдумкой. Но неожиданно мой взгляд привлекло яркое пятно на дороге рядом с аллеей. Это была красная тряпочка, как бы предупреждающая водителей: «осторожно, воронка!». И привязана эта тряпочка была ... к чему бы вы думали? – к тому самому обгорелому креслу. Я невольно улыбнулась. Отчего мне вдруг стало так радостно? Ответ пришел, когда аллея осталась позади, и я уже шла по одной из моих любимых улиц в старой части города. Еще совсем недавно здесь практически не было людей и в глаза ярко бросались только осколки стекол на дороге, разбитые ви-

трины магазинов, разрушенный ресторанчик и поврежденный музей. Из-за листвы и опавших каштанов, кажется, что воронок в асфальте стало меньше. Здания по-прежнему разрушены, но людей на улице стало заметно больше. К сожалению, увидеть улыбающееся лицо — сейчас редкость. Люди уставшие, замученные, растерянные. Наверное, каждого здесь коснулась война. Каждому принесла проблемы и доставила неудобства, изменила планы, оставила свой горький отпечаток. Но, несмотря на этот «отпечаток», жизнь должна продолжаться! Война «обожгла» нас, изменила, но мы остались несломленные и непокоренные, и даже если невозможно вернуться к прежней жизни, нужно искать себя, подобно обожженному креслу на Далевской аллее, но, ни в коем случае, не опускать руки и не останавливаться!

ДИАНА

«Там – мой дом!»

Я никогда не задумывалась над тем, люблю ли я свой город, – в этом просто не было необходимости... Бродила по улицам, не обращая особого внимания на их архитектуру... Отдыхала в парках, не замечая многочисленные скульптуры и памятники... Я уезжала из Луганска на время летних каникул, восхищалась красотами курортных городов, наслаждалась климатом южных широт и завидовала «тамошним жителям» их возможности пользоваться такой роскошью постоянно...

Как-то судьба подарила мне шанс пожить в другой стране – развитой, успешной, богатой... В другом городе – большом, чистом, ухоженном... Три года я пыталась понять чужую культуру, старалась уважать чужие традиции, вынуждена была говорить на чужом языке... Часто я не понимала своих собеседников, а им было трудно понять меня... А всё потому, что я была чужая для них, а они – для меня... Я поняла, что именно статус «чужой» порождает во мне многочисленные комплексы и мешает быть счастливой. Утешало одно: в любой момент я могу вернуться домой, к своим, ведь каждый раз, покидая свою Родину, я делала это по собственному желанию, по доброй воле, не на всегда, на время...

Но однажды я вынуждена была уехать из родного города. И больше всего меня пугало то, что в

этот раз – навсегда!!! Причиной тому стала война – неожиданная, нелепая, страшная...

И вот я в безопасности... физической, но при этом мне не давали покоя вопросы: «Где же всё-таки хуже: в родном подвале под бесконечный грохот «Градов» и «Смерчей» или под чужим мирным небом?», «Где спокойнее: в нескончаемой очереди за питьевой водой под родным подъездом или в толпе безработных на бирже труда чужого районного центра?»

Там, «в безопасности», мы стали серьёзной проблемой для них... Нам неохотно сдавали жильё, увидев в паспорте прописку... По этой же причине нам «вежливо» отказывали работодатели... Их всегда раздражал наш донбассовский акцент, а сейчас они не могут простить нам войну, в которой, по их мнению, виноваты именно мы...

А мы не спорим. Не можем. Не имеем права! Потому что мы там, у них! Мы лишены самого ценного, что у нас было, мы лишены основы – Родины! А поэтому мы стали какими-то «несуразными», «неправильными», «ущербными»: что-то недослышали, кого-то недопоняли, свернули не туда, нужной улицы не нашли – не местные!

Нам нельзя возмущаться невежливым обращением с нами – «беженцам слова не давали»! И болеть нам нельзя! Их раздражают наши жалобы. Нас неохотно лечат. А мы и не лечимся – нас не берут лекарства! И не в климате дело. Нам нужно что-то другое: нам бы воздухом родным подышать – и полегчало бы!

Мы уехали туда летом в шортах и шлёпанцах, кое-как под обстрелами собрав самое необходимое... А уже листья жёлтые, и лужи по ночам замерзают...

Видели бы они, как мы рыдали над вещами, приехавшими в скомканных посылках оттуда, с Родины! В нашей новой, «спасённой от войны» жизни мы распаковываем их трясущимися руками и зарываемся в них лицами... Наши вещи пахнут домом! Им трудно понять, что значит – ощущать аромат прошлого, которого нет...

Прошлого нет... Зато есть БУДУЩЕЕ!!! Поэтому я возвращаюсь в родной город, несмотря ни на что! Меня удивляет вопрос, заданный на одном из многочисленных блок-постов: «З якою метою їдете в Луганськ?» И я гордо отвечаю: «Там – мой дом!»

И вот они – родные улицы! Вот они, домики и многоэтажки, раненные, истерзанные, но не покорённые! И «Мужик с факелом», и Ворошилов на коне... И Шевченко, и Ленин, которые смогли найти общий язык друг с другом и прекрасно уживаются на центральных площадях в самом сердце города... И никто их не сбросил с постаментов, не истерзал и не изувечил!!!

Вот они, мои родные земляки! Труженики! Патриоты! Пекут хлеб, учат детей, спасают раненных, добывают уголь... Им некогда «скакать» – есть дела поважнее: нужно восстанавливать город, наш город – Луганск!

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ
(от возвращенцев)

ВЛАД

«Хохлократия» по-киевски

Охлократия – одна из форм исковерканной демократии, подчиняющаяся желаниям толпы.

Долго размышляя над пережитым, я решил, что не собираюсь писать об ужасах войны – про это и так очень много сказано. Любителям взрывов, боевиков и крови прошу завершить чтение сейчас же и посмотреть об этом в интернете. Для вас я приготовил другую страшилку, куда интереснее. Страшилку, породившую эту войну и продолжающую её до сих пор. Суть рассказа не в пулях, летящих в нашу сторону, танках, РСЗО или прочих военных прелестях. Гораздо ужаснее этого уродливое сознание тех, кто призывает к борьбе против «сепаратистов» и участвует в личных диванных войсках, заражающих людей эпидемией «прыжков с майдана» и плюющихся ядом во всех несогласных с ними.

В стольном граде Киеве моё пребывание продлилось почти шесть месяцев. За это время успел повидать и услышать достаточно. Много не укладывается в голове до сих пор. За эти полгода я осмелился вывести полноценный диагноз, который

поставил многим своим новым и старым знакомым по тем симптомам, что выдают инфицированных.

Каждому гостю город запоминается по-разному, но для меня эта точка на карте с тех пор имеет свои ассоциации: вездесущие «жовто-блакитні» цвета, в которые перекрашено почти все: от заборов и стен – до бордюров и перил. Они, как бы покрыли всё уродливой пеленой, и через пару месяцев моего гостевания вызывали тяжелый приступ эпилепсии. Часто наталкивался и на знаменитые речевки: «Слава Україні – героям слава!», «Україна понад усе», «Слава нації – смерть ворогам», написанные на каждом «жовто-блакитном» заборе, предназначенные для обладателей IQ ниже того самого «свідомого» плитуса, до которого упала их личность. Застал я и уборку на майдане, после которой еще месяц на Крещатике в поисках милостыни бродили остатки «національно-гідних» прыгунов, распространяющих патриотизм через благовония. Кажется, они привыкли тянуться к подачкам еще с момента раздачи булочек от Виктории Нуланд, что вошло в привычку и стало единственным способом их жалкого существования. Все они просто помешаны на «украинской моде» и непременно пытаются выставить её напоказ. Ларьки с ленточками, обложка-

ми на паспорт, флажками и прочей «очень нужной» утварью – вообще на каждом углу.

Порой, начинало казаться, будто казацкие чубы проросли и укоренились в мозг, пройдя через нервную систему, попутно вырождая чувство собственного достоинства и вызывая тягу к непреодолимой агрессии. Так, во время матча Луганской «Зари» я видел нескольких экс-друзей, зараженных тем же недугом, именуемым «хохлократией». Их бесконечные «Хто не скаче, той – москаль», прыжки, крики слились в один поток и вызвали сейсмическую активность моего подсознания, приводя в чистой воды шок. Но кульминацией всего стала песня от фанатов-ультрасов. Текст писать не стану, так как цензура и моральные убеждения не позволяют. Уже к середине матча появилось желание убежать и не смотреть на эту толпу пораженных «жовто-блакитной» хворью. Время шло, толпа ликовала, а я сидел на трибуне, испытывая ужас и жалость, понимая, что помочь им уже нельзя.

Находясь в Киеве, я учился в элитной русскоязычной гимназии, которая входит в 5-ку лучших в столице, и расположена близ российского посольства. При слове «гимназия» возникают образы воспитанных школьников, участвующих в олимпиадах

и разных соревнованиях, интеллигентных учителей, учащих младшие поколения доброте и дружбе. Такой образ вполне подходил и моему учебному заведению. Однако, все эти качества были перечеркнуты для меня всеобщей ненавистью и злобой. Вот один случай, о котором я бы предпочёл забыть. Война страшна не только тем, что на ней погибают люди, но и тем, что в людях умирает человеческое. Ярким примером послужит учитель физкультуры, который, как оказалось, переквалифицировался в специалиста по геополитическим вопросам и получил кучу научных степеней в высших учебных заведениях, попутно осваивая историю и все отрасли права. Во время урока какая-то неведомая глупость заставила меня поспорить с ним. Взамен я получил недельную дозу желчи и агрессии, адресованную жителям Донбасса. Поговорив с ним 10 минут, я понял – случай «хохлократии» тяжелейший. А однажды моя одноклассница, такая же «сепаратистка», как и я, кратко сказала мне: «Молчи, или тебя просто забьют». И мне пришлось послушать её совет. С тех пор я чувствовал себя настоящим разведчиком на задании. Одно неловкое слово или, не дай Бог, спор могли бы стоить мне как минимум «стрелы» после уроков, а максимум – разборок посерьезнее.

«Вся военная пропаганда, все крики, ложь и ненависть, исходят всегда от людей, которые на эту войну не пойдут». Эти слова принадлежат Джорджу Оруэллу, писателю, подарившему миру понятие «холодной войны». Если бы он тогда догадывался, как окажется прав. Я знал много «патриотов», которые после слов «Как только начнется война, я буду первым, кто пойдёт убивать проклятых сепаратистов!» бежали из родного города. Теперь все эти люди очень хорошо себя чувствуют в Харькове, Киеве, Днепропетровске и на севере нашей Луганской области...

Но это только к лучшему, друзья мои! Пусть не засоряют воздух и кричат, прыгают где-нибудь подальше отсюда. Они мне чужды. «Свидомиты-националисты» — настоящая болезнь, которая распространяется по миру воздушно-капельным путем, в дальнейшем переходящая в настоящие метастазы. Я не врач, поэтому не знаю лекарства от подобного. Но для меня все они кажутся маленькими и жалкими с изуродованными через кривые разбитые зеркала душами, лежащими теперь где-то под «жовто-блакитним» плинтусом.

За эти мучительно долгие месяцы, проведенные в «жовто-блакитной стране чудес», пораженной «хохлократией» по-киевски, мною многое

было осознано, спали маски и открылись новые, невиданные ранее горизонты. Это время дало понять достаточно... Многие недоумевают, узнавая, что я вернулся в зону «АТО», задают много вопросов, в роде: «Банановая республика, что будешь делать дальше? Это же вторая Абхазия, там стреляют, там опасно!» Если честно, я уже устал от них и даже не обращаю внимания. Но на вопрос, чем я буду заниматься, отвечаю легкой улыбкой и словами: «Учиться, жить, творить добро!».

ПАВЕЛ

Зима 2014 года: выпуск новостей на канале «Россия 24». Мы услышали, что на «Майдане» собралась группа митингующих, желающих свержения власти и вступления в ЕС. Тогда никто даже и не мог подумать о том, что произойдет в ближайшее время.

В конце мая мы заканчивали учебу и бурно планировали свое летнее время, не зная того, что произойдет позже. Я помню этот день очень ясно: второго июня мы стояли на пороге школы и разговаривали, именно в этот момент над нами пролетел военный самолет... Этот день стал первым в череде ужасных событий, которые произошли в моем городе: смерть российских журналистов, бомбардировка Облгосадминистрации, начало массированных обстрелов города. Именно после этого мы и разъехались. Правда, и я успел застать обстрелы. Наш район обстреливали сильнее всего, поэтому мы переехали в центр города и жили на последнем этаже многоэтажного дома. Оттуда я каждый вечер видел, как обстреливали город: очаги огня и клубы дыма поднимались из разных точек района. Когда обстрелы стихали, я включал телевизор и смотрел украинские новости, в которых говорилось, что сепаратисты каждый час обстреливают свои

же дома, убивают своих же мирных жителей. Так агрессия зародилась в сердцах моих вчерашних сограждан, позволивших запрограммировать себя на ненависть и неприязнь к Донбассу. На первых парах я удивлялся, злился, хотел справедливости... Мы удивлялись всему, что происходит на Украине: тому, что делает новая власть, людям, которые, подобно зомби, поглощали все, что им говорят. Мои бывшие приятели заявляли мне: «Я приду и расстреляю тебя, сепаратист, и твоё окружение; ваш Луганск будет подчиняться нам; Луганск – это Украина». Мне было смешно, они напоминали мне маленьких собачек, твякающих на огромного медведя, находившегося в спячке, тогда как все происходящее шаг за шагом пробуждало его. Позже мы стали принимать это как должное – бунт в сумасшедшем доме и не более того.

Так я провел неделю и уехал в Москву, а затем в Крым, прожив там около двух месяцев. Папа с дедушкой остались в Луганске охранять дом. Каждая новость из моего города была очень волнующей, папа выходил на связь только поздно ночью на несколько минут и из определенного места. Было и такое, что от него не было звонков около двух недель, а в это время город обстреливали очень сильно. Мы очень боялись, но надеялись,

что с нашими родными все в порядке. Позже они сообщили, что все хорошо, что просто были проблемы со связью...

Проживая в разных городах России, я видел отношение к нашей ситуации. Люди были очень отзывчивыми. По всей Москве были развернуты пункты помощи Донбассу, все люди сочувствовали и относились с пониманием к этой ситуации. Крым, у которого было много своих проблем, оказывал всяческую помощь. Скажем так: во всех городах, в которых я побывал, я видел отзывчивых и разумных людей, понимающих, что происходит и кто виноват.

Проживая далеко от дома, я с каждым днем все больше и больше хотел обратно, тем более там остались мои родные. Папа приезжал к нам несколько раз, когда он снова уезжал, мы еще больше хотели домой, мы уже не могли и не хотели оставаться на чужбине! Наш родной и милый дом был намного желаннее, не смотря ни на что. Но по словам папы еще было рано возвращаться, нужно было подождать... Время тянулось очень медленно. Каким бы ни был чужой город, он не заменит родного. Хотя многое поднимало настроение: проходили различные марши в честь воссоединения Крыма с Россией, митинги в поддержку Донбасса...

И вот настал тот долгожданный день: мы стоим на Керченской переправе, до дома осталось несколько сотен километров. Мы пересекли границу и я увидел родные края, родные виды, а вместе с этим – первый разрушенный дом, взорванные танки, сгоревшую машину. Атмосфера бала, мягко говоря, пугающей, но ведь я на родине, поэтому я принимал все это. Я дома, я в родном городе, в родном доме – это главное! И я надеюсь, что больше никогда не покину его на такое долгое время.

Когда мы въезжали в город, чувства были смешанными: меня переполнила радость, но я был поражен теми разрушениям, которые увидел, город был изрезан. Но это пугало только в первое время. Ведь все в наших силах. Главное верить в это – и мы отстроим и восстановим наш город. Теперь это наш общий долг.

ЕВГЕНИЯ

Як тебе полюбити, Києве мій...

Когда-то, еще совсем недавно, я его любила. Любила по-детски искренне и без расчета на взаимность. Любила живописные склоны Днепра с золотым блеском куполов Киево-Печерской лавры, его тихие улицы и уютные кафешки, манящие запахом кофе и добродушными улыбками молоденьких официанток, любила монументальные здания Крещатика, поражающие своей мощью и силой, и ухоженные парки, утопающие в цветах, и Родину-мать, величественно возвышающуюся над городом-героем как символ его несокрушимости.

В нем мне было комфортно, по-домашнему тепло и уютно. Но моя любовь, живущая в каждом уголке моего сердца и, как мне казалось, обреченная на вечность, оборвалась и в одночасье разбилась вдребезги... Осталась только боль, которая неустанно преследовала меня и усиливалась с каждой секундой, с каждой минутой, с каждым часом пребывания в нем, городе, казавшимся мне когда-то лучшим в мире.

Киев стал леденяще холодным и чужим летом 2014-го. В самый разгар войны. Через пару дней после приезда из уже израненного и пустынного

Луганска я зустріла свою старую знакову, інтелегентную молодую женщину с ученым званням и степенью, которая на мой рассказ о пережитых ужасах войны и сотнях погибших украинских солдат и мирных жителей (тогда по официальной версии речника ВСУ их были единицы) заявила, улыбаясь: «Напевно, за ради очищення нації потрібні й такі жертви...». Слова молотом ударили в висок и застыли немим вопросом: «Откуда такой цинизм и бесчеловечность?»

А еще был молодой человек в трамвае, который живо обсуждал с кондукторшей, блондинистой теткой с грязным облезлым «маникюром», ситуацию на Донбассе. «Ну, що ж, Путін забрав у нас Крим, тепер хоче Донбас відібрати, – со знанием дела заявлял справжній патріот. – Люди там, звичайно, нікчемні (рос.), та ЗЕМЛЮ ЖАЛКО». Не знаю, что было написано у меня на лице, когда я обернулась и в упор посмотрела на это ничтожество мужского пола, но замолчал он резко. А еще хотелось увидеть этого «поборника національних інтересів» где-нибудь на передовой в берцах и каске, и не с бутылкой пива в руках, а с автоматом, и не под стук колес трамвая, а под грохот артиллерийских орудий. И там спросить: «Неужели и сейчас тебе только землю жалко?»

И был праздник. Настоящий украинский День независимости. Киев утонул в желто-синем убранстве флагов, зданий, заборов, столбов и даже бордюров. И почему-то никого не смутило, что горожане и гости столицы становятся ногами на цвета символа державы! Вышиванки на ликующих детях, их родителях, седовласых старичках и совсем юных подростках поражали своим количеством и разнообразием цветов и рисунков. А как потрясающе смотрелись веночки – символы девичьей невинности – на свежескрашенными головами стареющих киевлянок! Дети, танцующие и поющие на импровизированных концертных площадках, прогуливающиеся по Майдану и Крещатику парочки влюбленных, любопытные туристы – все вокруг излучали всеобщую радость и счастье!

А в это же время всего в 824-х километрах от праздничного действия, в Луганске, уже которые сутки без воды и света, прячась в подвалах от артобстрелов, продолжали выживать дети и старики, погибали воины ополчения и Вооруженных Сил Украины. А КИЕВ ОТМЕЧАЛ ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ!

Я шла по одному из киевских скверов, печально смотрела на проходящих мимо меня людей и не понимала, КАК ОНИ МОГУТ ВЕСЕЛИТЬСЯ И РАДОВАТЬСЯ, когда рядом горе, смерть, война?! И

вдруг из динамика полилась нежная и невероятно трогательная мелодия гимна Киева:

*Спить натомлене місто
Мирним, лагідним сном.
Ген вогні, як намисто,
Розцвіли над Дніпром.
Вечорів оксамити,
Мов щастя прибій...
Як тебе не любити,
Києве мій!*

Как душевно звучали эти строки еще не так давно, и какими же неестественными и циничными казались они в августе 14-го. «Мирный сон» Киева, «бархат» его вечеров диссонировал с гробовой тишиной пустынного Луганска, которая регулярно пронизывалась взрывами и грохотом артиллерийских установок. Невольно возник вопрос: почему в стране, которая позиционирует себя как «ЄДИНА КРАЇНА», сотнями погибают люди, среди которых БЕЗЗАЩИТНЫЕ СТАРИКИ И ДЕТИ, а в это же время другая, МИРНАЯ часть Украины беззаботно и весело проводит время? Почему тысячи киевлян тянули на проклятый майдан воду, горячий чай, еду и теплые вещи, заставили поминальными свечами половину Университетской улицы в память о «сакральных жертвах» «Небесной сотни», и никому из

них не пришло в голову хотя бы попытаться передать мирным жителям Донбасса воды или хлеба, и провести их любимую «забаву» – поминальну ходу – в память о погибших мирных «сепаратистах» Луганска и Донецка? Почему матери и жены солдат украинской армии под стенами Министерства обороны кричали: «Видайте нашим дітям бронезилети і сучасну зброю», – и ни одна женщина не попросила прекратить эту нелепую братоубийственную войну? Почему благополучные, во многом успешные люди стали бездушными и жестокими?

Ответа найти я так и не смогла. Но для себя поняла одно – нет больше того Киева, нет той Украины, щирої, гостинної, доброї й людяної, которые я так нежно и преданно любила. Наверное, потерялось все на долгом, тернистом пути в Европу.

Но остался Луганск, ставший для меня за это лето ближе и роднее. Остался дом, в который годами вкладывали силы и душу, близкие мне люди, пережившие горе вместе со своим городом и не павшие при этом духом. Я решила вернуться туда, в изнеможенный и настрадавшийся город, который уже стали называть «призраком», «второй Припятью», потому что сейчас для меня более правильно быть здесь, чем в сытом мирном проевропейском Киеве.

Чи зможу я коли-небудь знову тебе полюбити, Києве мій?

ИРИНА

*«Дорога домой начинается
с Пункта пропуска «Изварино...»*

Этой знаменитой фразой нас встретила журналистка одного из российских каналов, когда мы с многочисленной толпой возвращались назад, в Луганск, домой... Все, кто стоял в эти дни на границе, выехали в начале лета под звуки первых бомбежек и наблюдали за происходящим со стороны: из интернета, ТВ и телефонных сообщений знакомых, непосредственных очевидцев тех страшных событий. Были ли мы предатели, трусы, беженцы или просто малодушные, теперь сложно сказать, каждый определял для себя свой статус сам. Было ли нам легко все это время? Конечно, нам было несравнимо проще, чем тем, кто остался в блокадном Луганске, но было ли легко в постоянно гнетущей неизвестности?

Я выехала после того, как в школе рядом с маминым домом поселись бойцы (завезли тяжелую технику, по ночам пристреливались, установили в огородах растяжки). Как и многие мы выехали в Крым, в отпуск, переждать, оказалось – на 3 бесконечных месяца.

Особенности национального сострадания про-

явились уже на вокзале: бесконечные толпы народа – билетов нет, но по цепочке передается: «Берут всех!» (начальники поездов помогают уехать всем желающим на третьих полках советских плацкартов по 450 грн. за место (при стоимости 90 грн.)). Но все благодарят за сочувствие, особенно 5-й вагон – женщины и дети, чудом вырвавшиеся из осажденного Славянска. Одна из них, с тремя чумазыми изголодавшимися детьми, извиняясь говорит, что все время провела в подвале под бомбежками, у нее с собой только 600 гривен, проводник сочувствующе кивает, забирая деньги, «ничего, берем всех!».

Новое впечатление – прохождение при въезде в Крым украинской таможни: в 40 градусную жару с закрытыми окнами (они просто не открываются от старости) и дверьми нас проверяют 4 часа. Каким-то чудом в вагон прорвалась молодая торговка мороженым, у которой таможенник стал требовать проездной билет, на что она сочувственно заявила: «Тогда проверяйте билеты у всех!».

Крым тоже представляет собой довольно странное зрелище: прежние хозяева уже ушли, а новые еще не вернулись: пустые глаза многочисленных украинских банкоматов, украинские продукты по тройным ценам в рублях, брошенные, с остатками мебели пансионаты – украинский сер-

вис по русским ценам! У моря такая же забавная публика: от «свидомых» небедных дончан, ожидающих победы национальной гвардии в тепер уже российском Крыму, до девушек в красных мини-юбках, торгующих скидкой на жилье как для «беженков из Славянска».

Так случилось, что все отдыхающие нашего двора – мои знакомые из Луганска: я и моя мама, моя коллега с сыном, невесткой и двумя малолетними детьми, ее брат с женой и ребенком, их родители, выехавшие из Луганска последним поездом. Поначалу наша встреча воспринимается как летние каникулы, но с развитием событий в Луганске все кардинально меняется. Каждое утро начинается со сводки боев, попыток дозвониться родственникам и знакомым, узнать, как они, поддержать. Зачастую возникают парадоксальные ситуации: сидя на пляже, чудом дозвонишься знакомым, в ответ услышишь: «у нас все хорошо, только нет света, воды и... вот опять стреляют из «градов», не волнуйтесь, все хорошо, мы побежали в подвал...». Странное чувство: они в подвале и у них все хорошо, а я на пляже – и у меня истерика!

С того момента, как пропала связь, стало еще хуже: каждое утро начинается с поиска новостей в интернете и их совместного обсужде-

ния всем двором. Чтобы хоть как-то отвлечься, бьешь себя по щекам: надо идти на море! На море как на работу, ужас... Вечером тоже никуда не деться. Не греют ни общее застолье, ни прогулки по ночному берегу, ни тоскливые украинские песни таких же как мы теток, распеваемые на пляже вместе со спиртными напитками.

Все это время ты пытаешься определиться, кто ты: гражданин Украины, которой уже нет, трусливый беженец, малодушный временный переселенец? Эти события – крах всей прежней жизни или неповторимый шанс, новые возможности? Самое странное, что ни ты, ни твои друзья по несчастью не могут этого понять, не могут определиться со своим новым статусом, стать хоть на какой-то свой внутренний учет. Держимся одной ментальной фразой «Подождем, как-то будет», но с каждым днем понимаем, что ждать и надеяться – верный способ сойти с ума.

До войны я мечтала жить у моря. Что ж, может это шанс начать другую жизнь? Кажется, что «переходный период» в Крыму – это масса новых возможностей. Пробую поискать работу по специальности. Результатов – ноль. Ни дослужить, ни преподавать нельзя: «нет гражданства, да и «своих» девать некуда, все на переаттестации (да такой, будто их в космос собираются запускать); можете еще фик-

тивно выйти замуж...» Нет, спасибо, это уж совсем как-то мерзко... Да, новый Крым – это масса новых возможностей, возможно, но не для таких, как мы, выпавших из обоймы прежней жизни. Все упирается в тот же злосчастный статус – внутренний и внешний. Кончается лето, нужно что-то решать.

Из новостей по-прежнему – только ТВ и Интернет. На сайте «Наш город – Луганск ВКонтакте» видео про городок прошибает до слез... Но есть и другие новости: в воскресенье в наш университет попали снаряды: в новый актовый зал, библиотеку, общежитие, плац ... Впервые ощутила, что это совсем близко, реально, стало как-то страшно, что все изменилось, не думала, что буду так сильно скучать по Луганску. Но надежды остаются надеждами...

Заканчивается еще одна неделя, а воз – и ныне там. Надеюсь, что следующая неделя что-то определит и прояснит ситуацию, а пока осваиваю азы садоводства, подрезаю розы, и пытаюсь беречь нервную систему. Ощущение, что я в засаде... Тоскливо, хочется уже определенности. Для успокоения мамы сходила в миграционку: сказали, думайте, как вас оформить. Легко сказать, с мая думаю – никак не надумаю... Сегодня опять все сказали «мы за мир», а как стреляли, так и стреляют. Но решать, как жить дальше, пока не могу... На море

уже прохладно, хожу через раз. Стараюсь нырять за уехавших изо всех сил, но море беспокойное, сердитое, как будто надоела я ему. Надеюсь, через неделю попробовать пробраться домой, а потом дам клич остальным возвращаться. Вынужденные каникулы пока продолжаются. Скоро все закончится в какую-то сторону, тогда и будем разгребать.

Наконец, новости с работы: аттестованным сотрудникам в понедельник-вторник явиться в Северодонецк в МВД, для дальнейшего прохождения службы. А кто не появился – никто не виноват. Странно, но после 18 лет службы, я себя среди них не вижу, оказывается, взаимно – меня тоже не видят.

Но все это будет после: дорога по сожженной Новосветловке, и моя разбитая квартира со сгоревшим, не поделенным при разводе холодильником, и рапорт на увольнение, написанный в траве на теплотрассе вместе с такими же сослуживцами при всех званиях и регалиях... А сейчас я стою на Пункте пропуска «Изварино», а впереди – флаг ЛНР и бодрые бородатые парни, проверяющие луганскую прописку в украинских паспортах.

Больше не хочу ничего решать, как будет – так будет. Возвращаюсь в «ЛуганДонию», как выразился бывший министр МВД Луценко, потому что для меня, как и для многих, более честно жить здесь,

чем в нынешней «роевропейской» Украине, потому что нам выпал уникальный шанс в середине жизни начать все с начала, определившись, наконец, со своим статусом жителя «Новой страны». И как и для многих, для меня эта «дорога домой начинается с Пункта пропуска «Изварино...».

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

ТАТЬЯНА

Еще раз убедилась, что история идет по спирали, в том числе и история моей жизни. В начале 90-х стала разваливаться страна (СССР). После периода относительного личного благополучия (я – молодой доцент, зам. декана, с хорошей зарплатой, позволяю себе ездить за границу, пусть и в соц. страны по молодежным путевкам) я оказалась ниже плинтуса. Папа кочует по больницам, мама лежачая (начались серьезные проблемы с ногами), я без денег и вечно голодная. Начала сдавать в коммисионку что могла, подрабатывала, где могла. Вроде бы, выгреблась. Перешла в другой вуз, финансово окрепла. Снова стала позволять себе ездить за границу (уже подальше, в Турцию и Грецию), баловать себя разными вкусностями, ходить в достаточно дорогой салон на стрижку, на массаж, пить итальянские и испанские вина. И, на тебе, приехали! Снова разваливается страна, снова лежачая (на этот раз абсолютно неподвижная) мама, снова нет денег. Только еще добавились новые факторы, как плюсы, так и минусы. Минусы: нет работы; весьма неопределенная политическая перспектива (вплоть до возобновления гражданской войны); возраст + двадцать лет; нет рядом старых друзей, которые могли бы помочь. Но зато есть и

плюсы: у меня уже есть опыт выживания в подобной ситуации, поэтому я наделала продуктовых запасов; у меня достаточно одежды и обуви на несколько лет вперед; у меня в принципе есть пенсия, которую, возможно, будут платить; у меня есть уже взрослая племянница и новые друзья. Но, главное, у меня есть вера в то, что ситуация нормализуется! Какое-то иррациональное чувство, что все устаканится. Конечно, на французские вина и поездку в Испанию пока не надеюсь, Но верю, что у меня будет и работа, и нормальная жизнь. Нужно только верить, и все так и будет!!!

В мае, перед войной, я успела побывать на Кипре. Во время одно из экскурсий мы ездили на турецкую часть острова. Нам показали город Фамагусту. До оккупации это был известнейший курорт. После того, как север острова захватили турки, греки покинули город. Там никто не живет, дома стоят с выбитыми стеклами, кое-где разрушенные. Фамагуста стала мертвым городом... В августе, во время особенно сильных обстрелов Луганска, когда я выходила с Джемом гулять и шла по абсолютно пустынным Советской и Оборонной, я вспоминала это выражение – «мертвый город». Мне было страшно, что Луганск может превратиться в украинскую Фамагусту...

Я прекращаю писать эти заметки. Появилась масса новых забот, хотя отпали некоторые старые. Но свободного времени стало еще меньше. И появилось ощущение, что ничего принципиально нового тем, кто будет читать эти строки, я уже не скажу. Главное, я вижу, что Луганск жив! Раненый, замученный, он все равно не стал Фамагустой. И пусть говорят, что он не возродится, что здесь нечего делать, нужно уезжать отсюда. Я для себя определила: это мой город! Я прекращаю писать эти заметки. Они были о войне, война закончилась, очень надеюсь, что навсегда...

г. Луганск (Центральный рынок)

г. Луганск

г. Луганск

г. Луганск (ул. Цимлянская)

г. Луганск (ул. Таллинская)

г. Луганск

г. Луганск

г. Луганск (ул. Советская)

г. Луганск (ул. К. Маркса)

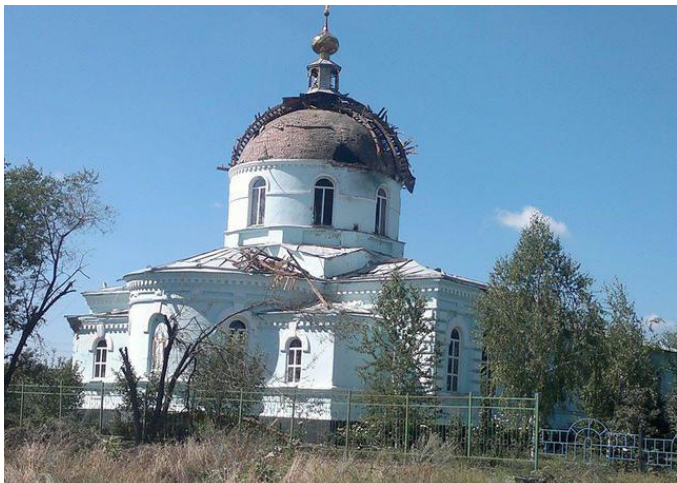

г. Луганск (Храм «Умиление»

п. Новосветловка

п. Новосветловка

п. Новосветловка

п. Новосветловка

п. Новосветловка

г. Луганск

г. Луганск

г. Луганск

Популярное издание

ДНЕВНИКИ «СЕПАРАТИСТОВ»

Под общей редакцией
Ж.В. Марфиной, И.Г. Скибы

На русском языке

Технический редактор – Кононченко Ю.А.
Оформление обложки – Арцибасов А.Н.
Верстка – Пыженко П.С., Демьяшкина Е.С.

Формат 70x100/32. Бумага офсет. Гарнитура Times New Roman.
Печать ризографичная. Усл. печ. листов 6,26.
Тираж 200 экз.
